

**ГЕНЕРАЛ-ОТ-КАВАЛЕРИИ
А. М. КАЛЕДИН**





большинстве случаев из всей истории Первой мировой войны (или Великой, как называли ее тогда) вспоминают лишь два эпизода, две операции Российской Императорской Армии – катастрофическое поражение и блестящую победу. Но если разгром II-й армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 года по праву связывается прежде всего с именем ее неудачливого командующего, то «соавторами» сокрушительного прорыва австро-венгерских позиций, разыгравшегося на полях Галиции в мае-июне 1916-го, стала целая плеяда выдающихся русских военачальников, оказавшихся вычеркнутыми из памяти потомков. «Брусилловский прорыв» удержал в своем названии лишь имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, в то время как роль, сыгранная его подчиненными, была не меньшей, а может быть и большей, чем его собственная.

Столь печальное положение дел связано прежде всего с тем, что «забытые» всего лишь через год заняли непримиримую позицию по отношению к революции, разрушавшей Державу, которую они защищали, и Армию, славные полки которой водили в бои. И славнейшего и достойнейшего из этих людей, также выдвинувшегося вскоре в первые ряды зарождающегося Белого движения, чаще всего не знают даже по фамилии.

Здесь нет преувеличения, ибо фамилия генерала Алексея Максимовича Каледина обычно произносится неправильно – с ударением на среднем, а не на последнем слоге, как следовало бы. Наверное, мелочь, но и она в годы Смуты принимала «знаковый» характер, и о врагах генерала современник писал, подчеркивая произношение, что они стремились «покончить одним ударом с “гидрой контр-революции” и в первую очередь избавиться от Каледина (Калёдина – как неправильно называли его фамилию не-казаки)». Впрочем, отнюдь не только донцы – земляки генерала – верно ставили ударение; расположение его хорошо видно по белогвардейским стихам и песням, посвященным Алексею Максимовичу, причем диктовалось оно отнюдь не соображениями размера и рифмы. Да рифмы были и небогаты – чаще всего, быть может подсознательно для авторов, фамилию героя сопровождало одно и то же: «Каледин – один»...

Вольно или невольно, но даже в этой непритязательной рифмовке проявился глубокий внутренний смысл. Слишком часто остававшийся одиноким в жизни и оказавшийся одиноким в борьбе, самовольно ушедший на Божий суд под гнетом страшного морального груза, он – суровый и беззащитный, сказавший о себе: «Я пришел на Дон с честным именем, а уйду, быть может, с проклятием», до сих пор стоит особняком в той истории, которая пишется безжалостными победителями.

Светлый Атаман.

* * *

Алексей Максимович родился 12 октября 1861 года в станице Усть-Хоперской, на хуторе войскового старшины Максима Васильевича Каледина. «По заслугам отца его, Сотника Василия Прохорова Каледина», признанный в свое время дворянином Войска Донского, Максим Васильевич позаботился и о подтверждении дворянского звания своих детей: 11 мая 1870 года Войсковое депутатское собрание постановило «их, Василия, Алексея, Елену и Александру Максимовых Калединых... сопричислить к дворянскому роду деда их, Сотника Василия Прохорова Каледина». Надо сказать, что четверть века спустя подполковник Алексей Каледин, похоже, проявил равнодушие к разо-

сланной дворянам Хоперского округа просьбе местного предводителя дворянства «озаботиться вписать себя и членов своих семейств в дворянскую родословную книгу Области [Войска Донского]»: в бумагах его после смерти, еще через двадцать с лишним лет, остался незаполненный анкетный бланк, прилагавшийся к письму предводителя.

Столь же равнодушен, по-видимому, был А. М. Каледин и к материальному достатку: скончавшийся в 1898 году Максим Васильевич завещал своим детям 400 десятин «удобной земли» в Хоперском округе, «при речке Бузулуке», однако наследство оставалось неразделенным вплоть до 1909 года, когда братья Каледины выделили, наконец, своей замужней сестре причитающуюся ей долю, собственные паи оставив по-прежнему в общем владении. «У него, я знаю, – говорил впоследствии об Алексее Максимовиче один из его ближайших сотрудников, – было 70 дес[ятин] (по завещанию – 90. – А. К.) отцовской земли, да и теми он не пользовался, отдавая их нуждавшейся сестре» (возможно, здесь имеется в виду не сестра, а вдова младшего из трех братьев Калединых, Мелетия, скоропостижно скончавшегося в 1908 году в чине штаб-ротмистра). Потом рассказывали, что Мелетий Максимович покончил с собой, ища в этом «семейное предрасположение» и разгадку самоубийства Атамана А. М. Каледина²⁰...

Но говорить о финале жизненного пути Атамана еще рано: слишком многое должно произойти, чтобы привести его к трагическому концу. Начало же этого пути, наверное, протекало достаточно безмятежно. Замкнутый и немногословный Каледин мало рассказывал о себе, и едва ли не единственный раз, уже в роковом для России 1917 году, во время поездки по северным округам Войска Донского, при виде родных мест у него сорвется при постороннем (мемуарист отметит, что Атаман «как бы думал вслух»): «Эти места все мне хорошо известны; каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас, переправившись через Дон, въедем в мою родную Усть-Хоперскую станицу. Вот здесь под Обрывом еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались...»

На смену детским играм в войну пришла подготовка к настоящей военной службе: все трое братьев Калединых избрали эту стезю. Алексей окончил Михайловскую военную гимназию в Воронеже (бывший кадетский корпус), запомнившись однокашникам как хороший ученик и надежный товарищ. По своему характеру, скорее флегматичному, он не был расположен к большинству мальчишеских шалостей, но из чувства товарищества обычно принимал в них участие в роли «часового», следя за приближением воспитателя и предупреждая друзей о грозящей опасности. И еще одно мемуарное свидетельство побуждает задуматься о душевных свойствах Алексея: при создании оркестра, вместо инструментов, пользовавшихся среди воспитанников понятной популярностью (барабаны, тарелки, геликон-бас), он выбрал для себя нежную и негромкую флейту...

Военную гимназию сменило 2-е военное Константиновское училище в Петербурге, куда Каледин поступил «юнкером рядового звания» неполных семнадцати лет от роду. Станный для казака выбор пехотного училища – артиллерийским оно станет значительно позже – мог, по словам соученика Алексея, объясняться желанием «по окончании его опр[еделить] свою дальнейшую деятельность». Решение было принято после того, как Каледин прошел полный курс училища (второй год – фельдфебелем), но вместо производства в офицеры перевелся на старший курс Михайловского артиллерийского,



Казачи форсируют реку в Восточной Пруссии, 1914 год

обучение в котором продолжалось три года. В офицеры он был произведен 7 августа 1882 года, выйдя в конную артиллерию Забайкальского Казачьего Войска. И этот выбор имел вполне прозаическое объяснение: «чтобы при устройстве на службу с первых же шагов не обременять родителей расходами на это благоустройство, что представлялось возможным ввиду того, что при отправлении на места в Сибирь по старым законам полагалось получение двойных прогонных денег, как бы на подъем», – свидетельствовал один из друзей Алексея Максимовича.

Впрочем, в Забайкалье молодой офицер пробыл недолго: по истечении обязательного срока службы в строю, в 1886 году сотник Каледин поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и оканчивает ее в 1889-м, по первому разряду и с производством «за отличные успехи в науках» в подъяесаулы. Будучи причислен к Генеральному Штабу, а через семь месяцев и переведен в него, Каледин шесть лет служит в приграничном Варшавском военном округе, среди других вопросов занимаясь организацией укрепленных районов на случай будущей войны. Современник рассказывал о памятном брелоке, подаренном Алексею Максимовичу сослуживцами – «на синей эмали, окаймленной золотым ободком, маленькие золотые звездочки»: «синее поле – укрепленный район, звездочки – крепости».

В Варшаве капитан Каледин встретил женщину, которая стала его женой, любовь которой, верная и преданная, доходящая до преклонения, озаряла его жизнь до самых последних дней, – Марию-Луизу Оллендорф, урожденную Ионер (она происходила из одного из франкоговорящих кантонов Швейцарии). Свадебным же путешествием для Алексея Максимовича и Марии Петровны (так будут называть ее, хотя в Православие она не перешла) станет дорога в Новочеркасск, куда Каледина переводят в 1895 году на заурядную тыловую должность в Войсковой Штаб Донского Казачьего Войска.

Служба там продолжается пять лет, после чего произведенный в подполковники, а затем и в полковники – «за отличие» – Каледин состоит «при управлении 64[-й] пехотной резервной бригады», в 1903–1906 годах возглавляет Новочеркасское казачье юнкерское училище и вновь возвращается в Войсковой Штаб, теперь на должность помощника его начальника. Но о Каледине помнят не только как об администраторе или военном педагоге: в 1910 году он – к этому времени уже генерал-майор, и тоже «за отличие по службе», – ни дня не командовавший полком (одно из редких исключений!), принимает бригаду 11-й кавалерийской дивизии, а 12 декабря 1912 года (всюду дюжина – не счастливое ли это предзнаменование?) назначается начальником кавдивизии – и тоже 12-й. С ней он выйдет на Великую войну, за три месяца до начала грозных европейских событий будучи произведен в генерал-лейтенанты, и эти полки прославят его имя – или это он своим руководством даст дивизии немеркнущую славу одной из лучших в Императорской Армии?

* * *

Первые недели войны стали для русской конницы весьма ответственными: она должна была, выдвигаясь вперед, скрыть от противника мобилизационное разворачивание основных сил, – и с этой задачей справилась блестяще. Эмигрантский историк отмечал, что для австро-венгерского командования «прошло вообще необнаруженным» сосредоточение всей VIII-й армии, которой суждено будет стяжать едва ли не самую громкую известность на Юго-Западном фронте и во всех вооруженных силах Империи.

«12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» – гласил, как рассказывали, приказ командующего VIII-й армией генерала А. А. Брусилова, отданный Каледину в августовский день 1914 года, когда дивизия своим самопожертвованием выручила остальные силы, и приказ этот многое говорит как о войсках, так и об их начальнике. За те бои Алексей Максимович был удостоен ордена Святого Георгия IV-й степени, а вскоре получил и Георгиевское Оружие – за участие в операции по взятию Львова, куда первыми вошли драгуны 12-й дивизии.

«Успех за успехом дал имя и дивизии, и ее начальнику, – писал впоследствии боевой товарищ Каледина генерал А. И. Деникин. – В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников, – только двух – конница в эту войну перестала быть “царицей поля сражения”, – графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это – вовсе не рисуясь, – это выходило само собой, – эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой [–] просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоими шли».

«Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый», – таковы были первые впечатления многих об Алексее Максимовиче, и они вполне соответствовали действительности. Лишь изредка прорывался в нем глубоко скрытый темперамент – и тогда генерал мог приказать «пиками загонять» в бой дрогнувших казаков или, в исступлении схватившись за шашку, броситься на обозника, загрозившего своей повозкой дорогу. Обычно же Каледин казался сухим и педантичным, порою даже мелочным, с излишней

дотошностью углубляясь в компетенцию нижестоящих войсковых начальников и стесняя их самостоятельность (но как пригодится ему эта привычка делать чужую работу впоследствии, когда у него – Донского Атамана – не окажется достойных помощников!). И еще одна черта оставалась для большинства скрытой за внешней суровостью. Корреспондент, посетивший генерала в киевском лазарете – тот был ранен 16 февраля 1915 года, – записывает беседу с ним:

«...И расскажу вам один интересный эпизод, как однажды мои ахтырцы...»

Но тут произошло что-то неожиданное и непонятное... Генерал, говоривший до сих пор обо всем совершенно спокойно, вдруг заволновался, заворочался в кровати, и я увидел, как серые глаза его стали сразу влажны и оттуда – увы – скатились две слезы... Смущенный и растерянный, молча сидел я, не зная, что делать... Но генерал быстро оправился и сказал:

– Рана, нервы, – вот и слабость. Как только вспомню своих ахтырцев, тотчас же встают передо мною все три брата Панаевы²¹... Три рыцаря без страха и упрека. И вот...»

В истории остался еще один подобный случай, о котором Алексей Максимович писал жене: «Пойми мое состояние, когда я почувствовал, что разревусь...» Это было в конце 1915 года, на офицерском празднике, среди шума, тостов и чествований, неожиданно заставивших Каледина обратиться к боевым товарищам со словами горького предсказания.

«Он говорил офицерам про то, что война еще далека от конца, что она еще только начинается, – вспоминал очевидец. – Говорил про то, что главная тягота ее еще впереди, впереди бои бесконечно более тяжелые, чем те, что прошли, потери более кровавые, чем уже понесенные, и многих из тех, кто сейчас сидит в этой халупе, не станет.»

Каледин говорил про работу и про победы, которые заслуживаются, которые надо заслужить. Говорил про войну и еще про что-то смутное, чего он сам не мог точно назвать и чего мы не могли в то время понять.

Каледин говорил, и чувствовалось, что он не знает, заслужит ли победу Россия, заслужит ли ее армия. Больше: что-то неуловимое, казалось, говорило о том, что он знает обратное, что отлетит победа, и надвинется на тех, кто не будет к тому времени зарыт в Галицийскую землю, нечто страшное и бесформенное».

Генерал предстал тогда перед офицерами «не бойцом, а учителем и почти что пророком», а незадолго до этого в его судьбе произошло еще одно событие, в котором можно усмотреть если и не пророчество, то бесспорно Промысел Божий: именно А. М. Каледин возглавил Георгиевскую Думу Юго-Западного фронта, 21 октября 1915 года присудившую орден Святого Георгия IV-й степени Императору Николаю II. Смысл этого удостоения остался непонятен многим как тогда, так и по сей день, несмотря даже на то, что Государь, лично возглавивший Свою Армию в ее тяжелую годину, через несколько лет мученической кончиной уподобился римскому военачальнику, бывшему не только Победоносцем, но и Великомучеником. Конечно, Алексей Максимович не мог такого предвидеть, но от этого не менее символичной остается именно такая связь Августейшего Верховного Главнокомандующего и Его полководца.

А служба генерала тем временем шла своим чередом. Из госпиталя он вернулся уже не на дивизию, а на корпус – буквально две с половиной недели



Генерал-от-инфантерии А.А. Брусилов

Алексей Максимович возглавляет ХLI-й, а с 5 июля 1915 года – XII-й армейский корпус, на этом посту заслужив орден Святого Георгия III-й степени. С легкой руки генерала Брусилова, ревнивого и пристрастного к своим подчиненным, укрепилось мнение, что Каледин во главе корпуса, а затем и VIII-й армии, командующим которой он был назначен 20 марта 1916 года на место возглавившего фронт Брусилова, значительно уступал по своим полководческим качествам Каледину – начальнику дивизии, боевому кавалерийскому генералу. Ему будут приписывать инертность и нерешительность, но лучшим возражением на это, наверное, станет роль Алексея Максимовича в наступлении, получившем в истории имя его начальника...

Главная заслуга Брусилова в «Брусиловском прорыве» имела небольшое отношение к собственно военным вопросам. Он, вообще не отличавшийся гражданским мужеством и принципиальностью, сумел проявить силу духа на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего, настояв на переходе в наступление вопреки неуверенной позиции других Главнокомандующих армиями фронтов. Однако достоинства самого наступательного плана на поверку оказываются весьма сомнительными: одновременное начало атак на нескольких участках (дабы противник не установил, какой является главным) имело стратегический смысл лишь в том случае, если бы русский полководец сумел скоординировать действия подчиненных ему армий, а при обозначившемся успехе – немедленно определить его место, организовать переброску туда резервов и развить победоносное наступление. Ничего этого у Брусилова не получилось, и из всего «Брусиловского наступления» самой яркой и славной страницей останутся лишь его первые дни (22–25 мая 1916 года) – сокрушительный прорыв вражеских позиций под Луцком. Луцкий же прорыв был всецело делом рук генерала Каледина.

Больше суток продолжалась артиллерийская подготовка на участке VIII-й армии, после чего поднялись в атаку ее корпуса. Оборона противника была смята, а войска – деморализованы и обращены в бегство. К вечеру 25 мая русские стрелки ворвались в Луцк. Более 44 000 пленных, 66 орудий, 150 пулеметов стали трофеями VIII-й армии за эти легендарные три дня. Однако генерал Брусилов не смог распорядиться успехом, приостановив наступление Каледина и предпочтя «выравнивать фронт». А две недели спустя, когда противник частично оправился и значительно усилил свою оборону на новых рубежах, директива Брусилова о возобновлении наступления развела силы VIII-й армии по расходящимся направлениям: после громкой победы в мае Главнокомандующий армиями фронта, очевидно, уверился в универсальности «удара растопыренной пятерней»...

Лето оказалось тяжелым и кровопролитным. Вновь и вновь гонит Брусилов, поддерживаемый Ставкой Верховного, русские корпуса в бессмысленные атаки на берегах реки Стохода. Меняются направления – на Владимир-Волынский, на Ковель и вновь на Владимир. Войска изнемогают, захлебываются кровью, теряют веру в успех. И все, что в этих условиях может сделать генерал Каледин – это вынести свой командный пункт на линию передовых окопов пехоты (неслыханный для командующего армией случай!), дабы быть вместе со своими солдатами в огне. Он уже «полный генерал» – генерал-от-кавалерии, за Луцкий прорыв, но это не окрыляет и не прибавляет сил. Может быть, что-то подобное смутно виделось ему в начале года, когда он писал домой: «Болит душа моя», «я по-прежнему не нахожу покоя душе...»



«Отступление немецкой армии на русском фронте». Рисунок А. Девальда

Но вот порыв противоборствующих армий иссякает, войска вновь закапываются в землю, душевная боль становится глуше, и лишь, в одиночестве гуляя по небольшому дворику у штаба армии (офицерской молодежью прозванному «тюремным»), повторял, должно быть, генерал Каледин фразу из старого своего письма:

«Наше положение военных, как положение почтовой лошади – умирать в оглоблях...»

Российская Императорская Армия «умирала в оглоблях». Напрягались последние силы, чтобы укрепить фронт, улучшить снабжение, подготовить войска к будущему весеннему наступлению, которое смогло бы, наконец, сломить сопротивление противника и победоносно завершить войну.

А весной наступила революция.

* * *

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую, – говорил летом 1917 года генерал Деникин. – Это не верно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма.

Развалило армию военное законодательство последних 4-х месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы, быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...»

Диагноз был поставлен точно. Русскую Армию разложил не Октябрь, а Февраль; не анархическое движение «снизу», а директивы, пришедшие «сверху», – в первую очередь «Приказ № 1» самозванного (ником не избранного) Пе-

троградского Совета и «Декларация прав солдата», объявленная Временным Правительством – не менее самозванным и неоспоримо разделяющим с Совдепом ответственность за конечное крушение фронта. Приказ, проникнутый недоверием к командному составу Армии, ставил офицерство под пристальный и практически всегда враждебный контроль со стороны солдатских комитетов; декларация, подрывая основы воинской дисциплины; этики и правил поведения отменой чинопочитания, отдания чести и т. д., провозглашала допустимость в рядах войск «политических, национальных, религиозных, экономических или профессиональных организаций, обществ или союзов», тем самым разрушая монолит воюющей Армии. И горше всего было то, что не только среди офицерства, в том числе и кадрового, но и генералитета нашлось немало людей, из карьерных соображений или же в угаре «революционной романтики» присоединившихся к силам, на их глазах разрушавшим Русское Воинство.

В этих условиях одни предпочитали плыть по течению, другие, оставаясь на своем посту, пытались сделать хоть что-нибудь в тщетных надеждах спасти разваливающуюся Армию; третьи – из тех, кто мог сломаться, но не согнуться, – просто уходили. Ушел и генерал Каледин.

Фактическому удалению Алексея Максимовича из Армии (формально – зачисление в Военный Совет, с 29 апреля) предшествовал конфликт не только с комитетами («Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест...» – вспоминал А. И. Деникин), но и с Главнокомандующим армиями фронта: несколько месяцев спустя Каледин кратко упомянет, что «ушел из-за Брусилова, который, по его мнению, чересчур о[т]пустил поводья армии», Брусилов же в середине апреля заявил Верховному Главнокомандующему: «Каледин... не понимает духа времени. Его необходимо убрать».

Приехав ненадолго в столицу, генерал поневоле оказался в гуще политических слухов и сплетен, среди которых были и затрагивающие непосредственно его как возможного кандидата в Донские Атаманы. Очевидец так описывает мимолетный разговор перед отъездом Каледина на Дон:

«– Известно ли вашему высокопревосходительству, – обращается к Алексею Максимовичу присутствующий в этой же комнате молодой полковник²², – что донские общественные деятели выдвигают вас на пост войскового атамана?..

– Знаю, слышал, писали.

И, нервно подергивая согнутой в локте рукой, генерал быстро начинает шагать по комнате. В полумраке двигаются два светлых пятна.

– Могут ли донцы надеяться, что вы согласитесь?..

– Никогда!..

И еще быстрее в темной комнате мелькают георгиевские кресты.

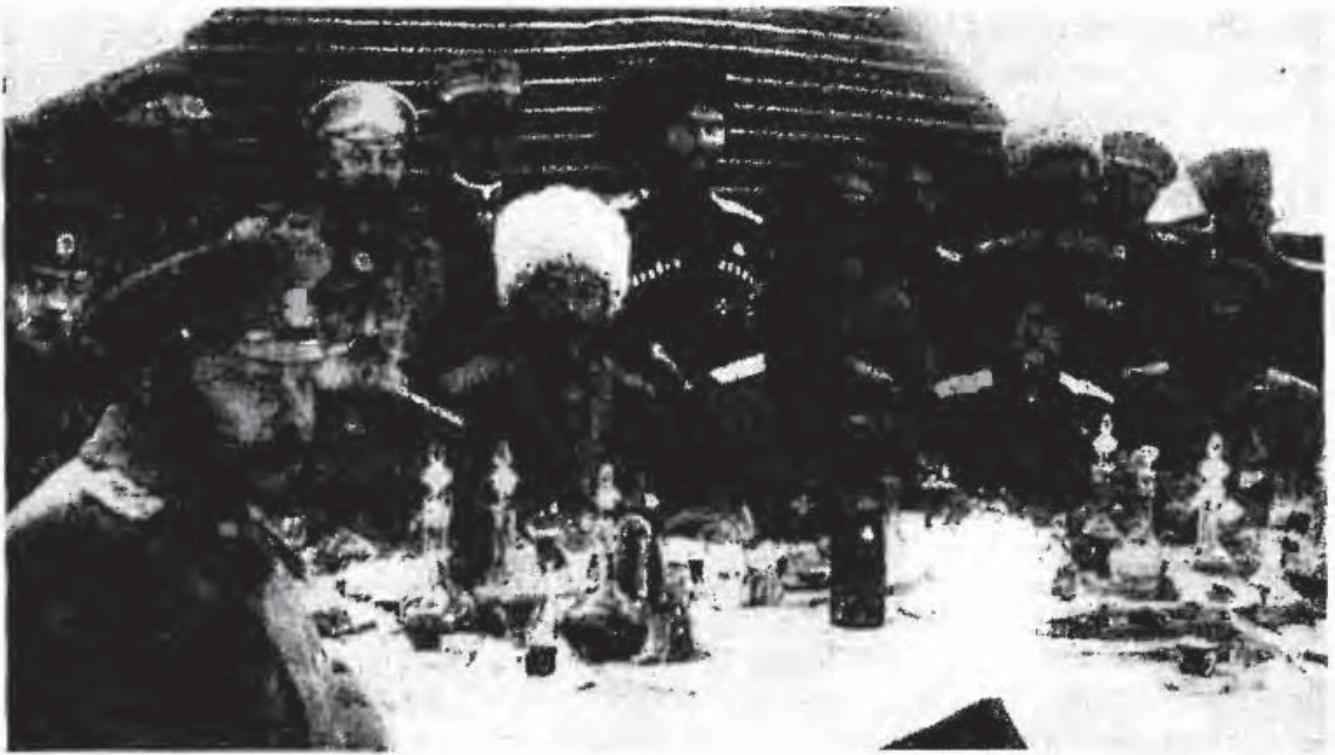
– Но, ваше высокопревосходительство, не мне вам это говорить, вы должны отдать себя казакам, ибо кто, как не вы, в такое трагическое время поведет донской народ?..

– Народ!? Вы говорите, народ?!

И генерал останавливается.

– Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ; будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда!..»

Каледин прекрасно отдавал себе отчет, что могло ожидать нового Войскового Атамана: наступившие времена грозили не только возложить на него ве-



Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов (в белой папахе), великий князь Борис Владимирович (справа) – Походный атаман всех казачьих войск, начальник штаба Походного атамана А.П. Богаевский (слева, на переднем плане). Персидский фронт, 1916 год

личайшую, небывалую прежде ответственность, но и одновременно отнять все возможности для реального выполнения долга.

Поддержку в своем нежелании участвовать в политической жизни нашел Алексей Максимович и у своей супруги, – правда, соображения Марии Петровны были несколько иными. Боготворившая мужа, она протестовала против выставления его кандидатуры, по свидетельству современника, «очевидно, недоумевая, как может генерал Каледин быть всего только... донским атаманом».

И, может быть, она и была права, «считая Дон недостойным иметь своим атаманом А. М. Каледина»...

* * *

Каледин вообще не собирался задерживаться на Дону надолго. Он хотел проследовать в Кисловодск на отдых и лечение, но бурная жизнь казачьей столицы – Новочеркаска – если и не захватила его, то по крайней мере заставила остановиться и повнимательнее приглядеться к происходящему.

Как и вся Россия, Дон остался без единой, настоящей власти. Все началось поздним вечером 2 марта, когда под влиянием смутных известий из Петрограда был создан «Донской Исполнительный Комитет», а уже около часа ночи на его заседание ворвался взъерошенный есаул Голубов, крича о стремлении офицеров Новочеркасского гарнизона «присоединиться к революционному движению» и сразу же внеся в разворачивающиеся события тот дух неразберихи, скандала и бунта, который в течение всего следующего года будет повсюду сопровождать этого странного человека.

Николай Матвеевич Голубов был фигурой далеко не заурядной. Боевой офицер, прославившийся своей лихостью и отвагой еще на Русско-Японской

войне, он тогда же заработал и репутацию скандалиста и бунтаря. Покинув после одного из скандалов службу, Голубов вернулся в ряды армии с началом мировой войны, действительно героически сражаясь с германцами. После Февраля он сразу развернулся, став глашатаем и вожаком крайнего революционного течения. «Умственно ограниченный, неспособный связно говорить, с психологией ватажника, “сарынь на кичку” времен Стеньки Разина, храбрый до наглости – он, захлебываясь злобными криками, подлаживался под настроение черни – захватывал толпу...» – в этой характеристике, данной Голубову современником и очевидцем событий, явно чувствуется личная ненависть, однако здесь немало и правды. Напрасно было бы искать в поведении Голубова в эти дни какой-либо логики, последовательно выбранной линии поведения: единственным, пожалуй, неизменным, что владело помыслами и чувствами «ватажника», была страстная мечта – стать Донским Атаманом²³.

Но в Атаманы Голубов не попал. Был ли он недостаточно «интеллигентен» или чересчур напорист, только власть явно ускользала из его рук, и это решительно отбросило Голубова в оппозиционный лагерь, обратив бурную энергию вихрастого есаула во вред родному Дону (который он, наверное, по-своему все-таки любил) и возглавляющим Войско лицам, кем бы эти лица ни являлись.

В этот период казачество внешне еще представляло собою единую массу, хотя единство это и оказалось недолговечным. Что касается взглядов на роль и личность будущего Войскового Атамана, то здесь определенности, кажется, было немного: по-настоящему переживала, волновалась и вкладывала в возрождение традиции особый смысл, – пожалуй, лишь сравнительно небольшая группа романтически влюбленной в казачью старину войсковой интеллигенции, самым ярким представителем которой был «Донской Златоуст», директор Каменской общественной гимназии, 35-летний историк М. П. Богаевский. Он и председательствовал на Большом Войсковом Круге, заседания которого открылись 26 мая 1917 года. Круг должен был рассмотреть ряд важных вопросов землепользования, управления и самоуправления в Области, несения казаками военной службы и др., но одной из ключевых проблем оставались выборы Атамана, – а единства по этому вопросу отнюдь не было. Более двадцати кандидатур, ни одна из которых не могла собрать подавляющего перевеса голосов, заставляли опасаться борьбы неудовлетворенных самолюбий и различных «ориентаций». Понятно поэтому, в чем была причина радости Богаевского, одно из заседаний президиума Круга открывшего словами: «Извините, господа, за опоздание... знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, около которого объединятся Донцы».

Круг действительно встретил генерала, выступившего с кратким приветствием, бурными овациями. Сам же Каледин, продолжая по-прежнему расценивать себя на Круге как «гостя», по свидетельству Богаевского, «абсолютно никакого участия в делах не принимал», и сломить его сопротивление руководству «парламента» оказалось едва ли не труднее, чем переубедить некоторых депутатов, волновавшихся, «как бы он нас не вернул к старому строю». 16 июня председатели всех окружных совещаний обратились к Алексею Максимовичу с просьбой баллотироваться, утверждая: «Долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо на нем – и ни на ком другом – может объединиться весь Дон». Убежденный, наконец, этими настояниями и поверив в возможность реальной и плодотворной работы на благо родного Дона и России, Алексей Максимович выразил согласие и на следующий день

был избран подавляющим большинством голосов (свыше шестисот из семисот двадцати).

«Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человек, — писал впоследствии М. П. Богаевский, сам избранный Товарищем (заместителем) Атамана. — Его программа, конечно, не могла иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военного — служилого». Однако краткая речь генерала, произнесенная после вступления в должность, не содержала в себе ничего специфически «казацкого» или «военного». Склонив голову, тихим голосом новый Атаман сказал:

«В течение последнего месяца, беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно, а не только на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь.

Не опускайте рук перед насильниками».

А некоторое время спустя, во время принесения поздравлений, седобородый казак, подойдя к Алексею Максимовичу, дал ему более важный, чем все другие, «наказ»: «Смотри, не измени, Атаман...»

«Себе не изменю, станичник», — отвечал генерал, и в словах этих не было ни капли позерства. Каледин теперь не отделял себя от своего поста, от долга перед Отечеством и избравшими его казаками, от Тихого Дона, которому с этой минуты были отданы все его помыслы, все его чувства, вся его жизнь. Отныне Атаман Каледин был и перед внешним миром неразрывен с Доном, становясь единственным выразителем позиций, чаяний и устремлений Донского казачества.

Да, пожалуй, и не только его.

* * *

Быть может, генерал Каледин и хотел бы в своей деятельности замкнуться исключительно на делах и заботах своего Войска. Однако в силу как положения Дона — «старшего брата» среди других войск, так и личных качеств его Атамана, фигура Каледина начинает быстро перерастать донские рамки, и он теперь просто вынужден пристально вглядываться в происходящее «углубление революции», уже вылившееся в попытку большевицкого переворота 3–4 июля в Петрограде. «Большевизм страшно опасен, — говорил после ее подавления Алексей Максимович. — ...Казак слишком общественно-развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина; но все-же против большевизма и на Дону следует немедленно принять меры: слишком он притягателен для масс, и кто знает, как пойдут события дальше и у нас на Дону». В той ситуации, которая складывалась в России, явственно назревала необходимость в звучном и сильном слове всего казачества — быть может, одной из последних надежд гибнущей Державы. И неудивительно, что трибуном его и глашатаем стал самый известный и самый авторитетный из казачьих Атаманов — генерал Каледин.

Это произошло на так называемом «Государственном Советании», состоявшемся в Москве 12–15 августа 1917 года. Там Атаман, по его собственным словам, надеялся «ознакомиться с политическими и общественными слоями, с которыми я раньше не сталкивался, работая в узкой сфере военных интересов». На «предварительном советании» он убедился, что в общественно-по-

литических кругах есть и группа лиц, которых он мог бы считать своими единомышленниками, — имевших «одну цель — спасение родины», и еще большее единодушие нашел среди казачьих делегатов. В течение суток была выработана и единогласно принята «декларация казачьих войск», оглашение которой было, также единогласно, решено поручить Каледину. Но оглашению ее предшествовало совещание с Верховным Главнокомандующим, генералом Л. Г. Корниловым.

Корнилов прибыл в Москву из Ставки 13 августа, и в тот же день состоялось импровизированное совещание, на котором, в частности, были согласованы будущие выступления Корнилова и Каледина. После этого разговора в уже составленный текст «казачьей декларации» Атаманом была внесена единственная поправка: требование «полного упразднения армейских комитетов, соглашаясь лишь на сохранение полковых и ротных (сотенных) с функцией только хозяйственного свойства», что грозило ему всплеском ненависти со стороны «революционной демократии». На вопрос о причинах исправления Каледин отвечал, «что он только что вернулся от Л. Г. Корнилова, который прочитал ему проэкт своей речи на Государственном совещании, — в пункте о комитетах ген[ерал] Корнилов будет требовать ограничения деятельности армейских комитетов сферой хозяйственной, что Корнилов этим и другими своими требованиями восстановит против себя крайних левых, а потому из тактических соображений, чтобы подкрепить Верховного Главнокомандующего, необходимы еще более радикальные требования, в свете которых требования ген[ерала] Корнилова покажутся умеренными и относительно приемлемыми».

Таким образом, Каледин сознательно пошел на увеличение одиозности своей фигуры в глазах левых кругов... а декларация, должно быть, уже могла почитаться исходящей не только от двенадцати Казачьих Войск, но и наиболее здоровой части Армии — ее офицерского корпуса и Главного Командования. Большевики впоследствии прямо утверждали, будто на Каледина «штабом Корнилова была возложена обязанность договорить то, что неудобно было сказать самому кандидату в диктаторы», хотя такая формулировка скорее всего и является тенденциозным преувеличением.

О впечатлении, произведенном речью Атамана на заседании 14 августа, свидетельствовал П. Н. Миллюков, в своей академически-сдержанной «Истории второй русской революции» вдруг сбивающийся на неожиданно-лирический тон:

«Вдумчивая, медленная, сдержанно-страстная, без всякой внешней аффектации, эта речь гармонировала с задумчивостью глаз, затемненных густыми темными бровями, серьезностью прикрытого длинными усами рта, про который говорили, что он “никогда не смеется”, с виолончельным тембром слегка затуманенного голоса и со всей стройной, благородной фигурой оратора...»

Впрочем, вряд ли многие в зале в эти минуты любовались «благородством фигуры» Каледина или оценивали его голос с точки зрения меломана. Слишком горьки были слова генерала, и слишком взрывоопасными, по обстановке революционного времени, оказывались мысли декларации:

«...Казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения и отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного правительства освободиться, наконец, в деле государственного управления и строи-



Расчет 122-мм гаубицы, начало 1917 год

тельства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели...

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и Армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы на него, обвинения в реакции и контрреволюции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрывая себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством...

Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний — казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности, казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью, отмечая общее расстройство народного организма, расстройств в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри, на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясения финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя.

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны и, следовательно, всю деятельность Временного правительства.

Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве.

Для спасения Родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1) Армия должна быть вне политики: полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями.

2) Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений.

3) Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4) Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5) Тыл и фронт – единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6) Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

7) Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

8) В грозный час тяжелых испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страны, страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными, групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

9) Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

10) Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11) В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и немумолимо проведенная до конца; б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности; в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей; г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; д) принять самые строгие действительные меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных отношениях...

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с призывом, чтобы в тяжелой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, Временное

правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения, и чтобы самый свой состав Временное правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша Родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества. Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины!»

Генерал говорил со «спокойной сосредоточенной деловитостью», однако, несмотря на это внешнее спокойствие, – по воспоминаниям очевидца, «последние слова декларации... А. М. Каледин произнес звенящим голосом».

Конечный эффект речи оказался таким, какого опасались казачьи депутаты. Не имея реальной силы, она привлекла к Каледину повышенное внимание, оттенки которого варьировались от явной ненависти («революционная демократия») до подозрительности и настороженности со стороны Правительства. А после того, как левые выпустили на трибуну есаула А. Нагаева, от имени «революционного казачества» выступившего с прямыми нападками на Донского Атамана, – по оценке наблюдателя, стало ясным, «что раскол в казачестве уже образовался. И неизвестно, до каких пределов дойдет этот раскол и куда пойдет большинство казачества...»

* * *

Практически сразу же по возвращении в Новочеркасск Алексей Максимович начал готовиться к новой поездке, на сей раз – по северным округам Донской Области. Причинами ее были поступающие с Верхнего Дона «сведения о полном неурожае и, вместе с тем, о чрезвычайном развитии тайного винокурения»; планировал Атаман использовать посещение северных округов и для обсуждения с казаками вопроса о предстоящих выборах в Учредительное Собрание. Поездка началась 24 августа, а уже 29-го на полдороге Каледину передали срочную телеграмму из Новочеркаска, от М. П. Богаевского, сообщавшую о трагических событиях, разыгрывавшихся в Петрограде и Ставке Верховного Главнокомандующего и грозивших перекинуться на Дон, – начавшихся «Корниловских днях».

Даже если считать, что Каледин был знаком с окружавшими Корнилова слухами о «заговоре» и знал о готовности Верховного в случае выступления антигосударственных элементов подавить его вооруженной рукой, – говорить о реальной причастности Алексея Максимовича к каким бы то ни было «конспирациям» совершенно невозможно. В противном случае и поездка Атамана, фактически лишавшая его возможности управления Войском, не могла бы состояться в столь «жаркие» дни. Но теперь в полученной телеграмме говорилось об объявлении Корнилова вне закона, о необходимости присутствия Атамана в Новочеркасске и, очевидно, об угрозе, сгущавшейся над самим Алексеем Максимовичем. На него в это время уже была начата настоящая охота: утром 29-го из Петрограда на всю страну объявили, будто «от атамана казачьих войск²⁴ Каледина, по сообщению газет, правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом...»

В ближайших к Дону областях «в инициативном порядке» выносились резолюции о задержании «мятежника Каледина» (напомним, что в тех условиях любое «задержание» было чревато немедленным и зачастую зверским са-

мосудом!). В Царицыне и Ростове собирались отряды, чтобы перехватить Атамана по дороге. В Ростове бушует Голубов («Русский народ возведет на эшафот офицерство, и это будет по заслугам!»), и вскоре он тоже бросится на поиски генерала, получив от Царицынского Совдепа «приказ» о своем назначении «атаманом вместо Каледина». Все преследователи, однако, вернулись ни с чем: Каледин благополучно добрался до Новочеркасска, хотя по дороге, по его собственным словам, он пережил самые «страшные и тревожные минуты».

«...Когда я увидел красногвардейцев, – рассказывал Алексей Максимович, – то, признаюсь, не отнимал руки от револьвера. Нельзя сказать, чтобы я их трусил, но у меня было такое состояние, что за рубашкой, по спине, по груди и по всему телу ползли какие-то скользкие, холодные, отвратительные черви. Так мерзко было на душе, что вот эта гадость должна сцапать меня и удушить своими грязными щупальцами».

Вернувшись, наконец, в свою маленькую столицу, Алексей Максимович нашел там растерянное Войсковое Правительство и... телеграмму Керенского от 31 августа, объявлявшую Донского Атамана мятежником, отрешающую его от должности, предписывающую предать генерала суду и препроводить в Могилев: в ближайшие дни там начала работу Чрезвычайная следственная комиссия, которая, разумеется, должна была обратить особое внимание на выяснение обстоятельств «сговора» «мятежных генералов» Каледина и Корнилова и, возможно, была немало удивлена тем, что никаких свидетельств взаимодействия так и не было обнаружено.

Однако правительственная истерика продолжалась, а Керенский даже попытался запретить внеочередную сессию Большого Круга (созываемую М. П. Богаевским), отступив лишь после заявления, что «Каледина казачество не выдаст не только Временному Правительству, но и никому в мире»: воскресла старая казачья заповедь – «с Дона выдачи нет!». На тот же Круг был вызван и Голубов – оправдываться за свои выступления против Каледина.

Временному Правительству пришлось смириться: «суд» над Калединым превратился в триумф «подсудимого». Отвергнув обвинения в «заговоре» и отделении Дона от России (Каледин заявил себя противником даже федеративного государственного устройства), он в то же время мужественно заявил о сходстве своих взглядов со взглядами Корнилова, подчеркнув, как вспоминал современник, «что хотя он никакого участия в выступлении ген[ерала] Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно, и готов нести полную ответственность как идейный соучастник». 10 сентября была принята резолюция, по отношению к Временному Правительству выдержанная в весьма резком тоне:

«Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно, однако, не представило никаких доказательств своих обвинений...

Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже – провокация или плод расстроенного воображения».

Не менее важным вопросом для Круга стало осуждение Голубова. Нужно отдать бунтарю должное: он все-таки был казаком, «умел воровать, умел и ответ держать» и не побоялся явиться перед враждебным ему собранием. Как вспоминал современник, «Николай Голубов... обвинял Атамана Каледина в неправильной и опасной политике. Нельзя Дон противопоставлять революционной демократии... Он подчеркивал, что он казак и во имя интересов казачества он осуждает Каледина, который толкает казачество на тот путь, где казакам придется нести кровавые жертвы». Как станет вскоре ясно, незадачливый кандидат в Атаманы неплохо знал психологию казачества, особенно фронтового, и угадал ту аргументацию, которая оказывалась для него наиболее действенной.

От репрессий Голубова спас М. П. Богаевский, напомнивший Кругу, что нельзя карать за убеждения. Тем не менее осуждение «царицынского атамана» было столь же явным, как и триумф Атамана законного: общие выводы Войскового Круга оказались вполне определенными.

Каледин, в сущности, стал «корниловцем» уже после «корниловщины». Помимо гласного исповедания своей веры на Круге, он поддерживал и личную связь с «мятежными генералами», ведя с заключенным в Быхове Корниловым оживленную переписку. Переживая начавшееся в августе глубокое разочарование в широких слоях казачества, Алексей Максимович тем не менее лично был готов на любую помощь. А. И. Деникин вспоминал, что «письма его дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий», — и все же два генерала уже тогда в действительности, а не в кошмарах Керенского, встали рядом, готовясь противостоять той беде, которая приближалась с неизбежностью.

Последующий период стал крайне тяжелым для Алексея Максимовича, переживавшего период сомнений и разочарования почти что во всем. Ему действительно было очень трудно — решительному на поле брани, но совершенно не приемлющему переноса военных методов на почву гражданского строительства. Быть может, несколько преувеличивая эту черту, один из эмигрантских авторов позднее характеризовал Каледина как «смелого защитника и убежденного носителя гуманных начал и демократических идей», «непримиримого врага фанатизма и грубой, необузданной силы», — но, в сущности, не так уж важно, был или не был Атаман «убежденным носителем демократических идей». Он был кристально честным и предельно совестливым человеком, и именно это определяло характер его взаимоотношений с Кругом и Войсковым Правительством. Всегда памятуя о своей выборности и о том, что он призван к власти казачьим населением Области, Каледин считал себя просто обязанным принимать во внимание позицию выдвинутых казачеством Правительства и Круга, несмотря на то, что они в «эпоху Каледина» (это название возникнет спустя всего несколько месяцев) были подвержены колебаниям и не раз сковывали действия Атамана.

При первых же достоверных известиях об октябрьских событиях в Петрограде, «обсудивши положение, созданное произведенным большевиками государственным переворотом, Войсковой Атаман и Войсковое Правительство вынесли постановление о непризнании власти большевиков, находя, что власть эта, возникнув путем насильственного переворота, не выражает воли страны, а осуществляет диктатуру одного рабочего класса (скоро станет ясно, что рабочий класс тут тоже ни при чем. — А. К.), а по поставленным себе задачам является губительной как для России в целом, так и для казачества в особенности»; вскоре Донская Область была провозглашена «независимой

впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти». Однако в те же дни проявилась и непоследовательность Правительства по отношению к приехавшему на Дон генералу М. В. Алексееву.

Скованный колебаниями и сомнениями своих сотрудников, Атаман, «ознакомившись с планами Алексеева (о собирании сил для активного противодействия большевикам и австро-германцам. — А. К.) и выслушав просьбу “дать приют русскому офицерству”, ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области...» Сыграли свою роль местные политики и при первой же попытке выдвинуть казачество и самого Каледина для решения общегосударственных задач.

В Атаманском дворце состоялось заседание, на котором «Атаман Каледин... высказал необходимость подачи помощи Москве» и заявил, «что находит поход на Москву необходимым». Однако этот план встретил бурю возражений сторонников временной самоизоляции казачьих территорий и собирания там «здоровых элементов» и сил, в том числе и военных. Каледин с Алексеевым остались в явном меньшинстве и уступили: должно быть, оба, каждый по-своему, надеялись на то, что казачьи области менее, чем остальные части летящей в пропасть России, окажутся подверженными разложению. Выбранный Атаман Каледин и чужак, незванный и не больно-то желанный гость на Дону Алексеев — решили попытаться использовать те возможности, которые у них оставались, не усугубляя внутренних разногласий планами, не встречавшими ничьей поддержки.

Позднее Каледина обвиняли — и подчас в весьма резкой форме — в нерешительности и неуверенности проводимой им политики. Но, кроме чьего бы то ни было влияния, она может быть объяснена другим, неизмеримо важнейшим обстоятельством, которое хорошо понимал сам Атаман: для борьбы необходимы были силы.

Сил же не было никаких.

* * *

Правда, уже в октябре начинается полу-стихийное, но еще сохраняющее относительный порядок и воинскую организацию движение казачьих полков с фронта по домам; но уместен вопрос, в каком состоянии они возвращаются? «Перевозка шла трудно, — пишет современник, — по взбудораженной разваливающейся стране, по плохо работающим железным дорогам, с томительными пререканиями между полками и местными революционными комитетами на каждой узловой станции, с требованиями сдавать оружие», — и это не могло не оказывать деморализующего влияния на казаков. И не случайна сорвавшаяся у очевидца фраза: «казачьи полки были больны»...

В своих многодневных, иногда многонедельных путешествиях с фронта по домам казаки успевали хорошо почувствовать страшную угрозу бесформенной и безликой, но почти всегда в ту пору разъяренной толпы, так что самым пронизательным в оценках настроений своих земляков оказался никто иной, как «ватажник» Голубов с его тезисом о недопустимости «противопоставления Дона революционной демократии». «Со всей Расеей нам бороться нельзя», — переводили это на более понятный язык простые станичники. И печально обронит современник: «Казачество умерло. Шаровары были на колоссе, у которого глиняные ноги, а голова угрожаемая по большевизму».

В силу всех этих причин Донское командование, состоявшее в тот момент фактически из одного Атамана, не имея сил, принуждено было вести заведомо проигрышную игру, переходя к обороне: оставалось огораживать Область цепью застав и пропускных пунктов и... ждать выздоровления казачества. А между тем в самом сердце «калединского Дона» – Ростове и Новочеркасске – были расквартированы запасные пехотные полки, давно уже превратившиеся в рассадник агитации и угроз. Дезорганизованные и буйные солдатские массы могли в любой момент выступить с оружием в руках, и сдерживало их пока лишь отсутствие единого руководящего центра и некоторая боязливая настороженность, все еще сохранявшаяся по отношению к казакам. К 20 ноября чаша терпения Войсковых властей, наконец, переполняется: Атаман Каледин принимает твердое решение разоружить запасных, но... не находит для этой цели никого, кроме конвойной сотни и юнкеров Новочеркасского военного училища. Нужно было обращаться за помощью к генералу Алексееву.

Супруги Каледины уже оказывали в частном порядке материальную помощь прибывавшим на Дон алексеевским добровольцам; в обход своего осторожного Правительства выдавал Атаман им и оружие, включая бронеавтомобили. Все это позволяло ему практически с первых дней существования «Алексеевской организации» рассчитывать на нее как на самостоятельную союзную, если не прямо подчиненную боевую силу. «Организация» решительно выступила для разоружения запасных – генерал Деникин писал: «Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд», – тем более что отобранные у солдат «винтовки и патроны, – свидетельствовал участник событий, – доставлялись в организацию подводами и автомобилями, каждый раз в мере, далеко превышавшей потребность наличного состава». Оставался, однако, не менее опасный Ростов.

Назначенный командующим войсками Ростовского района генерал Д. Н. Потоцкий сумел лишь арестовать Голубова, отправив его в Новочеркасск (там «ватажник» был посажен на гауптвахту). Четыре запасных пехотных полка на глазах становились из просто дезорганизованных – откровенно большевистскими, и генерал уже был вынужден в частных беседах признавать, что «при создавшемся положении ничего не сделаешь»...

Около трех часов пополудни 23 ноября к Ростову подошли вызванные на помощь местным Ревкомом черноморские корабли с десантными отрядами. Большевики определенно шли на развязывание вооруженной борьбы, в то время как Атаман и Правительство медлили с решительными мерами. Политика Новочеркаска в этот период вообще выглядит довольно уязвимой, хотя и считать ее совсем не имеющей оснований тоже не стоит. Хорошо осведомленный не только о событиях, но и об их подоплеке сотрудник Атамана так излагал впоследствии эти соображения:

«1) Находящиеся под рукой войска были в таком состоянии, что на них трудно было рассчитывать, других же частей вблизи не было, отдаленные же фронты обнажать было нельзя.

2) Инициатива выступления атамана без всякого повода со стороны большевиков могла усугубить недоброжелательство казачьих частей к походу, ибо подтвердила бы распускаемые большевиками слухи о беспричинных со стороны атамана репрессиях по отношению к большевикам.

3) Незначительный запас боевых припасов и оружия.

4) Многочисленный большевистски-настроенный ростовский гарнизон, численность которого с подозрительными элементами достигала до 20 тысяч.

5) Малочисленный состав добровольческой армии²⁵.

6) Угроза Викжеля²⁶ объявить забастовку в случае гражданской войны, что несомненно отразилось бы на экономическом состоянии страны.

Вот главные причины, с которыми атаман считался как глава правительства. Неудача под Ростовом могла бы повлечь к другим неудачам и кончиться катастрофой, т. е. вторжением большевиков в Донскую область, а этого больше всего опасался атаман...

Но была еще одна причина, почему атаман не поднял первый меч, и эта причина опять-таки наиболее ярко характеризует его как человека.

– Хотя бы и против большевиков, но я первый не подниму руки – пусть они первые начнут, тогда я имею нравственное право сказать, что я защищался».

Позднее, на заседании Большого Круга, Каледин признается: «Нужно сказать, что к моменту начала военных действий отношения чрезвычайно обострились, но мы всеми силами старались оттягивать этот момент. Было страшно пролить первую кровь»...

25 ноября генерал Потоцкий объявил, «что Ростов с 22-го находится в состоянии гражданской войны». Слово было произнесено вслух, и с утра 26-го по всему городу уже всюду шла стрельба. Подмоги из Новочеркасска, однако, не было в течение всего дня 26 ноября, что как будто говорило о растерянности Войсковых властей; пишущие об этом обычно и рисуют, вольно или невольно, неутешительную картину растерянного, бессильного и выпустившего из рук управление Атамана, потерявшего едва ли не целый день и в конце концов явившегося за спасением к Алексееву. По более авторитетному свидетельству, однако, все было совсем не так.

Начальник Полевого Штаба вспоминал год спустя, что первые известия о ростовском столкновении были получены в Новочеркасске той же ночью²⁷, и разбуженный Каледин немедленно распорядился созывать своих ближайших сотрудников.

«К 5 час[ам] утра в приемной собрались М. П. Богаевский, начальник войскового штаба полковник Араканцев, начальник полевого штаба полковник Лисовой (автор воспоминаний. – А. К.), начальник гарнизона генерал Корнеев, начальник новочеркасского казачьего военного училища генерал Попов и др., которым атаманом и были прочитаны поступившие донесения, а затем, обращаясь к полковнику Лисовому, [атаман] сказал – “Вот теперь давайте все, что у вас есть – немедленно грузиться на Ростов”, – и затем добавил: – “и попросите Михайлу Васильевича, чтобы он возможно раньше зашел ко мне”.

В 8 час[ов] утра генерал Алексеев сидел уже в кабинете – были потребованы карты... и после часовой беседы генерал (неясно, который; по контексту похоже, что Алексеев: Каледин всюду именуется Атаманом. – А. К.) подтвердил, чтобы выступали все до единого человека!»

Таким образом, из рассказа начальника калединского Штаба следует, что Атаман был готов к открытию боевых действий, скорее всего ожидал именно такого развития событий и более того – должен был заранее принимать в расчет «Алексеевскую организацию», руководителя которой он немедленно приглашает к себе для составления диспозиции («были потребованы карты»), согласованной и утвержденной в течение часа, то есть, возможно, с учетом предыдущих совещаний: вместо расслабленного и неуверенного начальника перед нами (несмотря на «сумрачность», в общем обычную для Алексея Макси-

мовича) предстает человек энергичный, деятельный, знающий, чего он хочет, и готовый решительно претворять свои планы в жизнь.

В ночь на 27 ноября из Новочеркасска на Ростов выступил первый отряд алексеевцев, однако в разыгравшемся на следующий день бою успеха он не добился ввиду численного превосходства противника, тем более значимого, что из трехсот белогвардейских штыков значительную часть составляли необстрелянные юноши – юнкера и кадеты. Неладно было и в самом Ростове, где генерал Потоцкий продержался чуть более двух суток, но утром 28 ноября был выдан ревкомовцам остававшимися с ним казаками.

А тем временем Донской Атаман всеми силами старался мобилизовать Войско на борьбу. «...Наши части торговались: выступать или нет. Приходилось составлять отряды из кусков, вырванных из различных частей, – рассказывал он впоследствии. – ...Во избежание лишних жертв приходилось действовать только наверняка». Генерал тщательно собирает силы и изготавливается к решительному наступлению, сам неоднократно выезжая на позиции, – и 1 декабря он уже может сказать явившимся к нему на переговоры представителям ростовских общественных организаций: «Безусловная сдача, или завтра в 2 часа мои казаки будут в Ростове. Стратегическое окружение закончено».

Генерал сдержал слово. Наступление началось ранним утром 2 декабря, и его участник впоследствии не без иронии писал: «Товарищи²⁸, увидев, что под Ростовом не фарс, а почти война, и зная, что на завтра назначен штурм, рассыпались в течение этой последней ночи... Красногвардейцы спешили обратиться в мирных хулиганов, а вожаки попрятались и разбежались». Несмотря на отдельные очаги сопротивления, несколько колонн калединских войск почти одновременно вступили в Ростов, встречаясь друг с другом на уликах, уже запруженных толпами радостных обывателей.

«Мне не нужно устраивать оаций... Я не герой, – и мой приход – не праздник, – говорил приветствовавшей его толпе Атаман. – Не счастливым победителем я въезжаю в ваш город. Была пролита кровь, и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданской долг...»

Начавшаяся открытая междоусобица глубоко ранила душу Каледина, и недаром, должно быть, перед отъездом на фронт, когда жена передавала ему пистолет, он отверг запасные обоймы:

«Сколько раз я тебе говорил, что для меня 14 патронов много, зачем мне две обоймы, для меня достаточно одного патрона...»

* * *

Урок из ростовских событий извлекли обе стороны. Открывшийся в Новочеркасске 2 декабря, под грохот орудий ростовского фронта, Большой Круг был поставлен Калединым перед необходимостью решительной реорганизации власти. «Необходимо, чтобы Правительство имело бы твердый аппарат для управления, – говорил генерал. – ...Мучительно наталкиваться на всевозможные вопросы каждый раз, когда хочешь что-нибудь сделать, и в ответ на приказания слышать: “не желаем”, “подумаем”. Власть должна быть властью». Формально Круг предоставил Войсковому Атаману диктаторские полномочия; в помощь ему по военным вопросам была учреждена должность Походного Атамана, которую занял герой недавних боев генерал А. М. Назаров; в то же время, с целью «демократизации» управления Областью, было решено составить так называемое «паритетное» Правительство, куда вошли бы представители как от казаков, так и неказачьего населения.

Упорядочивались взаимоотношения с «Алексеевской организацией». После приезда на Дон бежавшего из заключения генерала Л. Г. Корнилова (6 декабря) и его ссоры с генералом Алексеевым для нормализации обстановки в Белом лагере по инициативе Деникина была принята «конституция», разграничивающая сферы деятельности наиболее значимых вождей зарождающегося движения:

«1. Генералу Алексееву – гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову – власть военная.

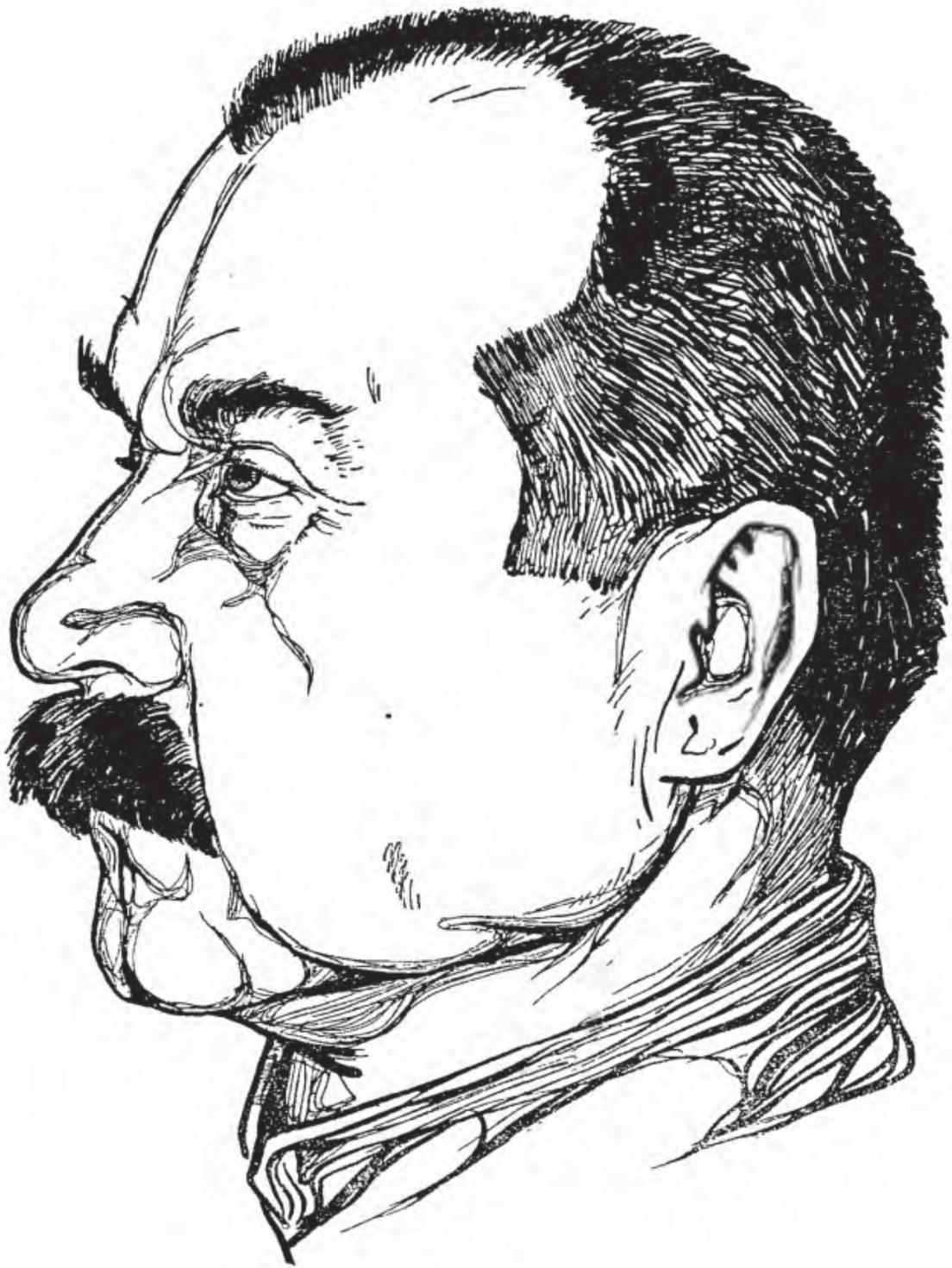
3. Генералу Каледину (симптоматично, что не «Атаману»! – А. К.) – управление Донской областью.

4. Верховная власть – триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чье ведение вопрос обсуждается».

«Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, – писал Деникин, – то триумвират представлял из себя в скрытом виде первое обще-русское против-большевистское правительство²⁹». А поскольку роль «буфера» между двумя враждующими триумвирами была бы слишком унижительной, чтобы предлагать ее такому человеку, как Каледин, – правдоподобным становится предположение, что в «наброске проекта “конституции”» его автором вольно или невольно было заложено *верховенство* генерала Каледина. Это соответствовало и реальному положению дел («...В то время как между генералами Алексеевым и Корниловым ход работ внешне был резко разграничен, на плечах генер[ала] Каледина попрежнему оставались все тяготы и военного, и политического, и финансового, и пр. характеров», – отмечал современник), и масштабу личности Алексея Максимовича, который, по нашему мнению, был крупнейшей фигурой на российской политической сцене 1917 года и в любом случае перерастал отведенные ему казачеством довольно узкие рамки. Пост Донского Атамана, осознавал это сам Каледин или нет, был для него мал, а в случае фактического осуществления деникинской идеи триумвирата генерал оказался бы в значительной степени освобожденным от влияния своего Войскового Правительства и теряющего сердце казачества. Но планам не суждено было осуществиться – слишком мало времени отвела история «эпохе Атамана Каледина».

Для большевицкой власти ростовские события тоже стали грозным предупреждением, и на «мятежный Дон» двинулись войска Совета Народных Комиссаров. Через Воронеж и Донецкий каменноугольный бассейн под общим руководством «Главкомандующего по борьбе с контрреволюцией» В. А. Антонова-Овсеенко вели свои «колонны» бывшие прапорщики Г. К. Петров, Ю. В. Саблин и Р. Ф. Сиверс. С юга, на станции Тихорецкой, пытался организовать «революционную армию» хорунжий А. И. Автономов – член Большого Круга, выступавший против Каледина и переходящий теперь от парламентской оппозиции к вооруженной борьбе. А из Петрограда пристально следил за развитием событий на Юге и «сам» Ленин...

Однако говорить о стратегическом плане большевицких военачальников, пожалуй, не приходится: его выработке и реализации мешал сам характер их формирований, – рыхлых, недисциплинированных, а зачастую и просто буйных. Стратегическую идею заменяло указание цели – «калединского Новочеркасска», куда науськивали свои толпы их вожаки, – и лишь география



А.М. Каледин. Рисунок Л. Кудина. 1918 год

железных дорог, по которым продвигались красные эшелоны, создавала картину «наступления по сходящимся операционным направлениям». Но наличия своей стратегической идеи мы вправе ожидать от генерала Каледина, уже хорошо известного нам как полководец крупного масштаба, умеющий и привыкший распоряжаться значительными войсковыми соединениями и вряд ли склонный к безвольному парированию вражеских ударов в разгоравшейся открытой войне.

В начале 1918 года на территории Области уже находилось семь Донских казачьих дивизий и Гвардейская бригада, и ожидался подход еще двух дивизий с фронта. Не все они были равноценными, часть казаков при несомненно

высоких боевых качествах не отличалась стойкостью духа, надеясь на близкое и всеобщее «замирение», – но все же по численности, вооружению и присутствию на своих местах офицеров эти дивизии казались грозной силой, на которую можно было рассчитывать... хотя бы поначалу.

«...Мечтали о том, чтоб сделать эту армию солидной, в смысле тех организационных понятий, к которым привыкли до 1917 года... Создали для походного атамана и громоздкий штаб, рассчитанный на армию, во всяком случае, не эфемерную», – писал впоследствии участник событий. Параллелизм работы Войскового Штаба и Штаба Походного Атамана генерала А. М. Назарова отмечался и другими современниками, причем порой в весьма язвительных тонах: «...Значительная часть дорогого времени терялась на то, чтобы разобраться – какого штаба касается затронутый вопрос... Ни один из штабов не желал брать исполнения целиком на себя, предпочитая вместо этого отписываться и изощряться в виртуозности канцелярского языка», – хотя в действительности, как следует из анализа служебных телеграмм Атамана Каледина, оба Штаба работали скорее «наперебой»: привыкший, как мы помним, еще с Великой войны лично вникать во все подробности, Алексей Максимович и тут не видел большой разницы между двумя управляющими структурами, то и дело отдавая распоряжения через начальника Штаба Походного, полковника В. И. Сидорина, помимо самого Походного Атамана. Идея же организации нового штаба начинает выглядеть более обоснованной, если учесть, что в своих расчетах Каледин отнюдь не ограничивался территорией Донской Области и ее ресурсами.

О том фронте, который он надеялся организовать против большевиков, достаточно красноречиво говорит телеграмма полковника Сидорина, направленная вечером 21 декабря 1917 года следующим адресатам: «Екатеринодар Начальнику Штаба Кубанского Войска, Владикавказ Начальнику Штаба Терского Войска, Астрахань Начальнику Штаба Астраханского Войска, Оренбург Начальнику Штаба Оренбургского Войска, Уральск Начальнику Штаба Уральского Войска, Киев Военный Секретариат Украины». «Крайне желательно взаимное осведомление о сосредоточении [и] передвижения[х], вообще группировке войсковых частей вблизи ваших границ или на вашей территории, не подчиненных вашему правительству, особенно же враждебно настроенных», – писал начальник Штаба Походного Атамана, и похоже, что взаимное оповещение, по крайней мере в пределах Северного Кавказа, действительно было налажено. Так, например, десять дней спустя Штаб Походного получил информацию о передвижении красных бронепоездов по Владикавказской железной дороге и принимал меры к недопущению их на территорию Области; в свою очередь, на Кубань, Терек и нижнюю Волгу передавались сводки событий на Дону. Были попытки наладить взаимодействие со Штабом Кавказского фронта, откуда надеялись получить высвобождающееся военное имущество. Обращал внимание Донской Атаман и на моральный фактор, связанный со взаимной поддержкой нескольких Казачьих Войск: Донцы не должны были чувствовать себя «покинутыми», «защищающими свою грудь чью-то спокойную жизнь». И, подчеркивая, что «судьба Кубани решается на Северном Дону», Атаман в конце декабря 1917 года отправил в Екатеринодар своего эmissара, прося передать:

«Необходимо нашим казакам показать, что Кубань с нами... Необходимо получить для Ростова хотя-бы два только пластунских батальона.

...Если хотят существовать, пусть направляют все здоровое в Ростов; пусть не жалеют для Дона артиллерийских снарядов... Нужно смотреть за всех».

Орлом, «который размахом крыльев своих желает прикрыть все казачество от гибели и разложения», показался в эти минуты генерал собеседнику; однако казаки не спешили собираться под распростертые крылья. 30 декабря, правда, «было обещано из Екатеринодара два батальона», но новогодний подарок так и остался пустым обещанием. И если тыл все же пребывал пока в относительном спокойствии, тому были другие причины – на Тереке началась внутренняя резня казаков с горцами, Тихорецкая группировка красных, очевидно, чувствуя неуверенность, оставалась пассивной, а боевой участок кубанско-большевицкого фронта – новороссийский – был слишком удаленным, чтобы оказывать прямое воздействие на положение Дона.

Хуже обстояли дела с другим участником общего сопротивления – Украиной. Малороссийские губернии, в которых пыталась осуществлять свою власть находившаяся в Киеве Центральная Рада, сами подверглись ударам большевиков. Правда, продвижение красных на харьковском направлении, выводя их во фланг охватываемой полукольцом Донской Области и разъединяя союзников, в то же время угрожало вклинившимся «колоннам» ударом с двух сторон, если бы удалось согласовать действия Донцов и Добровольцев с войсками Центральной Рады. Должно быть, это и побуждало Войсковое Правительство стремиться к «скорейшему соглашению» с Радой, однако наиболее решительный и настроенный на борьбу из ее членов – Генеральный Секретарь по военным делам С. В. Петлюра – оказался в одиночестве и уже в конце 1917 года был вынужден покинуть свой пост, став жертвой политических интриг. Вооруженных сил «Украинской Республики» так, по сути, и не было создано, и координация действий разрушилась, не сложившись, хотя Каледин для содействия общей борьбе готов был пойти даже на задержку в Херсонской и Екатеринославской губерниях частей 3-й Донской дивизии, возвращавшейся с фронта. Но удержать рвущихся домой казаков уже вряд ли было возможно...

Менее реальной выглядела мысль о взаимодействии с Оренбургскими казаками, которых старался поднять Войсковой Атаман полковник А. И. Дутов: слишком удаленным от Дона было это третье по численности, после Донского и Кубанского, Войско. Тем не менее, помимо упоминавшейся организации оповещения, Атаман Каледин еще в начале декабря стремился к более тесному сотрудничеству. Он ожидал наступления Дутова на Волгу; для отправки в Оренбург был подготовлен и «радиотелеграфный аппарат... такой силы, чтобы установить связь Оренбурга с Доном» (неподалеку от северной границы Донской Области, близ станции Филоново, застряла в эшелонах 2-я Оренбургская казачья дивизия – один из обязательных адресатов рассылки многих оперативных документов, касающихся обороны Дона, – которая и могла в данном случае сыграть роль связующего звена).

Таким образом, стратегический план сопротивления большевизму, складывавшийся у генерала Каледина в течение декабря 1917 года, представляется следующим: основной фронт с опорными центрами в Киеве, Харькове (там предполагалось разместить объединенное правительство) и Новочеркасске, с Кубанью и Тереком в качестве тылового района, и очаг борьбы в Оренбурге с опорой на относительно спокойную Уральскую Область и назначением двигаться к Волге; картина, которую удалось, и то на краткий срок, реализовать лишь летом 1919 года, ценою многих жертв и дорого обошедшегося народу разочарования в большевицких обещаниях.

Пока же этого разочарования еще не наступило, широкомасштабные проекты военного строительства оставались обреченными на неудачу. Злой и



пророческой иронией звучал образец отчетных документов, разосланный полковником Сидориным старшим войсковым начальником: «Такой-то полк офицеров 00, пашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то сотня офицеров 00, пашек 00, пулеметов 00, патронов 00. Такая-то батарея офицеров 00, пашек 00, орудий 00, снарядов 00, гранат 00. Всего офицеров 00 и т. д.»... Действительно, если еще и не всюду были нули, то дело, кажется, определенно шло к тому.

Удержать казаков под ружьем оказывалось практически невозможно – они стремились по домам, обещая по первому призыву

вернуться в строй и, наверное, сами в эти минуты веря своим обещаниям. «Смотрите, станичники, – не меня обманете – себя погубите», – говорил им прозорливый Каледин, но слова его не убеждали и не заставляли задуматься. Нужно было искать новые пути организации вооруженной силы, и рождается идея формирования партизанских сотен.

Обычно при этих словах вспоминают отряд есаула В. М. Чернецова и несколько подобных ему, в которых собирались «необязанные службой» добровольцы (в основном учащаяся молодежь) и не состоявшие на должностях офицеры; однако на самом деле в идею «партизанства» Калединым вкладывалось совсем другое содержание. «Войскатаман приказал, – оповещал 16 декабря Сидорин, – по возможности сформировать в каждом полку по одной партизанской сотне в составе не более ста коней каждая. Сотни должны формироваться из охотников всего полка, должны быть снаряжены так, чтобы свободно могли отделяться от полков для выполнения боевых задач». Таким образом, подлинный смысл распоряжения заключался фактически в переносе на донскую почву методов развернувшегося в 1917 году «ударного движения» – в частности, формирования при войсковых частях и соединениях так называемых «штурмовых» подразделений и частей или «частей Смерти», среди всеобщего развала сохранявших дисциплину и готовых выполнять свой долг.

Но декабрь не был июнем, и выделить под наименованием «партизанских сотен» казаков-ударников уже не удавалось; боееспособными оставались только добровольцы из отрядов, подобных чернецовскому, обладавшие одним наиважнейшим в те дни качеством: они безусловно желали драться, невзирая даже на неравенство сил, неблагоприятную обстановку, несмотря на все обстоятельства, которые, казалось, заведомо обрекали их на поражение.

«Когда убьют меня, то я, по крайней мере, буду знать – за что; а вот вам это будет неизвестно, когда вас будут расстреливать товарищи!» – сказал Чернецов тем офицерам, которые не спешили в бой, предпочитая отсиживаться в тыловом Новочеркасске. Конечно, он не хотел умирать, но не накликал ли сам свою смерть этими пророческими словами?

«...Сила хрупкая, точно шпага против дубины», – писал участник событий о партизанах-чернецовцах. Но в тех условиях, когда воодушевленность и готовность умереть могли играть решающую роль, подавляя волю противника, в значительной степени сохранившего психологию труса-дезертира, – удары этой «шпаги» оказывались весьма опасными. Наиболее угрожаемым участком признается Донецкий бассейн, и именно на это направление бросают на последней неделе 1917 года Чернецова. Партизаны бьют передовые отряды красных у станций Штерово, Щетово, а в ночь на 28 декабря при содействии железнодорожников, которые скрыли от большевиков, что идет воинский эшелон, – ударили на Дебальцево, далеко выскочив за пределы Донской Области и создав угрозу флангу наиболее боеспособной колонны Сиверса. «Если бы Чернецов вздумал развить свой успех и действуй он в связи с отрядом генерала Балабина у Иловайской или с казачьими полками у Луганска, он мог бы свести на нет весь наш успех в Донбассе», – признавал Антонов-Овсеенко, но опасения советского Главнокомандующего, начавшего перегруппировку почти всех сил в каменноугольный бассейн, оказались совершенно излишними: вечером того же 28 декабря генерал Назаров передает Чернецову приказание «вернуться вновь [на] станцию Щетово, действуя оттуда набегами [в] том или другом направлении», да и сам есаул к этому времени, вывозя трофеи, уже отступает. Делается это, разумеется, не от хорошей жизни: казачьи полки, взаимодействие с которыми могло привести к столь тяжелым для красных последствиям, не хотят воевать и не представляют собою серьезной боевой силы.

Последняя ставка делается на то, что, может быть, казаки все-таки согласятся защищать свой родной Дон. «Наступательные действия за пределами области прекратить, ограничиваясь самыми решительными действиями в пределах области», – приказывает Войсковой Атаман 1 января, но изменить ничего уже не удастся. В те же дни приходится запрашивать, «желают ли части генерала Тимашева выполнить возлагаемую задачу» (каким бредом должно было казаться все это Каледину!), и даже в требованиях вынужденно звучат нотки увещевания: «Передайте казакам, что в эти тяжелые переживаемые Доном дни я требую от них полного порядка и подчинения распоряжениям командного состава. Предупреждаю ослушников, что они понесут за это³⁰ ответственность по закону и перед Войсковым Кругом. Меня глубоко огорчит поведение 22[-го] полка, до сих пор отлично несшего службу. Если это результат агитации, требую немедленного удаления агитаторов из полка и донесения мне».

Сторонник решительных военных действий, Каледин в то же время отнюдь не считал их синонимом жестокой репрессивной политики и террора. «Войск[овой] Атаман приказал отрядам пленными не обременять ни себя, ни правительство...» – злоеце начиналось одно из его распоряжений, однако продолжение может вызвать у современного читателя, который знает, как развернутся события, какого накала достигнет противоборство и ожесточения – человеческая душа, – едва ли не улыбку: «...захваченных разоружать, опрашивать, разъяснять им их заблуждение относительно внутреннего быта и политики Дона и отпускать с предупреждением, что вторичная поимка не будет прощена»...

Но те, кто еще не перешел в разряд пленных, продолжали представлять собою угрозу. Наряду с вторжением военным, первые попытки которого пари-



Походный атаман генерал П.Х. Попов

ровал Чернецов, оставался еще центр «идеологического» вторжения и разрушительной пропаганды – Царицын, названный одним из современников «такой же занозой в больном теле казачества, как в свое время Ростов». Другим центром большевики хотели сделать Воронеж, предполагая созвать там «съезд рабочих, солдатских и казачьих депутатов», и 4 января Атаман Кале-

дин вынужден был запретить участие в нем казаков. Подействовал ли запрет, или казачество в своем разложении еще не успело дойти до логического конца, только один из руководителей воронежского съезда, С. И. Сырцов, признавал впоследствии, что съезд «собрал довольно много представителей рабочих, но от казаков там было всего несколько человек». А в конце первой недели января 6-я Донская дивизия, согласно планам Новочеркасска, должна была двинуться на Царицын, дабы «вырвать занозу».

Но операция сорвалась. Как вспоминал офицер, командированный потропить дивизию, «во всех полках шли митинги, и во всех полках казаки отказывались наступать. Наиболее воинственным оказался расположенный в Чирской станице запасный полк, по номеру, кажется, 4-й; он соглашался дать в наступление по 30 человек с сотни, но – под условием, чтоб операция была прежде того начата с другого направления и другими войсками». Это стало известно 9 января, а 10-го калединский Дон получил новый сильнейший удар.

Не сумев организовать «революционного казачества» в Воронеже, Сырцов решил использовать для этой цели собирающийся в станице Каменской «съезд фронтовиков» и выехал туда с коллегами по партии и «достаточно обработанными», по его собственному циничному признанию, казаками. Не боявшиеся германских пушек и удушливых газов фронтовики были буквально смяты угрозами: «За Советскую власть стоят много миллионов рабочих и крестьян, и, конечно, не кучке казаков справиться с народом... Борьба будет не в пользу казачества, она его разорит...» Гвардейский подхорунжий Ф. Г. Подтелков, который вскоре осчастливит захваченный Новочеркасск афоризмом «при советской власти приказано и жида считать человеком», по рассказу современника, будет носить золотой браслет и перстни, а в ростовском банке потребует «миллион» («дайте мне царскими пятисотками»), – выдвинутый каменским съездом на пост председателя Донского Ревкома, пока еще смущался, трусил, убеждал «партийных товарищей», «что он никогда без согласия стариков ничего не делал», и на первом митинге, созванном после предательского ареста расположенного неподалеку Штаба 5-й Донской дивизии, «крестясь на все четыре стороны», лепетал: «Отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросясь вашего благословения, совершили революцию». Решительности казакам-мятежникам придавал... тоже страх: съезд был объявлен незаконным, им грозила кара.

Большевизированные казаки не ограничились арестами старших начальников. В ближайшие часы ими был занят важнейший стратегический железнодорожный узел Области – станция Лихая, где скрещивались царицынская и воронежская линии. От Каменской до Новочеркасска было менее ста пятидесяти верст вдоль линии железной дороги...

Удар оказался очень сильным и с политической точки зрения. Всего лишь две недели назад усилиями А. М. Каледина и М. П. Богаевского было достигнуто зыбкое равновесие – власть приняло «Паритетное Правительство». Теперь же трещина проходила еще глубже, уже по толще самого казачества, до сих пор несмотря на все уродливые явления казавшейся монолитной. Каледин принимает решение сыграть с новым противником по его правилам, в ходе диалога показав Дону, насколько демагогической и чреватой страшными последствиями является позиция Донревкома, и соглашается провести переговоры «на высшем уровне», гарантировав безопасность прибывающим в Новочеркасск Подтелкову и его приближенным. Конечно, ни Сырцова, ни кого-

либо из подобных ему закулисных руководителей там не было: они пока предпочитали делать свое дело казачьими руками, и исполнители у них нашлись вполне соответствующие этой задаче.

Вначале Атаман еще считал, что с мятежниками следовало говорить «как-нибудь мягче». Но 15 января, когда в Новочеркасск приехала ревкомовская делегация, быстро стало ясным, что мягкость нахрапистые «собеседники» немедленно примут за капитуляцию. И все же члены Войскового Правительства пытались взывать к их казачьим чувствам, убеждать не превращаться в проводников чуждого большевицкого влияния на родном Дону. Изю всех сил пытались создать иллюзию своей независимости от центральной Советской власти, представители Донревкома выдвинули ультиматум: Каледину – сдать им власть, Войсковому Кругу – распуститься, партизан и Добровольцев – разоружить, а «не живших на Дону» выслать «из пределов Донской области в места их жительства», причем сдача оружия должна была бы производиться «комиссару военно-революционного комитета», и он же выписывал бы пропуска на выезд, полностью распоряжаясь таким образом жизнью и смертью последних защитников Дона. На такое предательство своих соратников генерал Каледин пойти, конечно, не мог.

Трудно сказать, чего хотел он добиться своими вопросами членам Ревкома: вряд ли у Атамана оставались иллюзии относительно того, с кем он имеет дело. Но в ходе переговоров он шаг за шагом заставлял Подтелкова признаваться в намерениях установить диктатуру, не считаться с народным волеизъявлением (Правительство предлагало дожидаться созыва нового Войскового Круга, не имевшего для мятежников никакого значения) и проч. Оглашены были перехваченные телеграммы Антонова-Овсеенко, обещавшие Смольному, что «голова Каледина... не останется на плечах у владельца ее», и уличавшие Донревком в сношениях через Антонова с большевицкой верхушкой. И пророчески прозвучали заключительные слова ответной речи Алексея Максимовича:

«На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем права сдать... Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться от воли народа... И если бы было можно, я с величайшею охотой сдал бы власть. Я пришел сюда с честным именем, а уйду отсюда, может быть... с проклятием...»

Сказать, что Каледин волновался, когда заканчивал свою речь, – значит ничего не сказать. Пророча себе проклятие, он с трудом справлялся с звенящим от напряжения голосом. Напряжение передавалось и окружающим, и даже советский автор признает, что у красных делегатов «настроение создалось отнюдь не боевое». Смущения их, впрочем, хватило ненадолго.

После перерыва Войсковой Атаман огласил и официальный ответ. Упомянув о предстоящем созыве Круга – единственного органа, правомочного решать судьбы Дона, – и прикрыв Добровольческую Армию утверждением, что она находится «под контролем», он потребовал от воинских частей «вернуться к своей нормальной работе по защите донского края», освободить арестованных и распустить Донревком. Правительство обличало большевиков как зачинщиков гражданской войны, а Ревком – как марионетку Совета Народных Комиссаров. И в качестве последнего удара Атаман Каледин объявил о перехвате еще одной телеграммы – на этот раз Антонову-Овсеенко от Подтелкова, в которой последний просил «хотя бы два-три миллиона» на содержание мятежных частей. Припертый к стене, вожак «трудового казачества» вынужден был признать, что телеграмма подлинная...

С отвлеченной точки зрения, результат переговоров можно было бы считать победой Каледина, но далась она чрезмерно дорогой ценой. Слишком очевидным стало, насколько глубоко проникла болезнь в организм казачества. Печать глубокой удрученности, которая лежала на облике Атамана после завершения переговоров, запечатлел один из очевидцев:

«Своей тяжелой походкой он направился в соседнюю с залом заседаний комнату – кабинет секретаря областного правления, и там среди наваленных на подоконниках груд верхнего платья стал отыскивать свое пальто. Найдя, наконец, его, он принялся одеваться, с усилием натягивая рукава. И только когда пальто было одето, один из курьеров догадался подбежать и помочь атаману.

А он, одевшись, пошел к выходу.

Из кармана свисал засунутый туда башлык и волочился по земле.

Казалось, атаман никого не видит, ни о чем не думает...»

Но скорее всего, было наоборот: Атаман видел все и уже понимал слишком многое из того, что оставалось пока сокрытым от других.

* * *

Появление на сцене Донского Ревкома стало грозным признаком, однако возглавить борьбу его деятели по-настоящему не были способны. Им следовало организовать желающих «замирения» казаков в боеспособные части, вновь готовые проливать свою и чужую кровь, и в сущности для этого нужно было немного: рыхлый материал принимал соответствующую форму в руках командира, обладавшего двумя необходимыми качествами – непреклонной волей и твердым пониманием, чего он хочет. У белых, кстати, тоже не нашлось таких начальников – Алексеев, Корнилов, Деникин замкнулись на заботах Добровольческой Армии, Каледин и Назаров, сидя в штабах, были слишком далеки от казачьей массы, а Чернецов – партизан по натуре – звал к себе «всех вольных, всех смелых», вместо того, чтобы железной рукой привести к повиновению малодушных и пассивных. Попытаться сделать это предстояло другому бунтарю.

«Свершилась моя мечта – у власти все население Дона, – взывал посаженный на гауптвахту войсковой старшина Голубов. – Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги – мои враги». Его письмо дошло до М. П. Богаевского, а тот настоял перед Атаманом на освобождении мятежного офицера: метаний Голубова предсказать не мог, кажется, никто, включая его самого, и он, наверное, и в самом деле искренно приветствовал идею «Паритетного Правительства». Недавний «царицынский атаман» оказался на свободе в дни, когда в Новочеркасске гремело имя есаула Чернецова, и, по рассказу современника, «заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие бывают партизаны. Он в станице Луганской наwerbует себе удальцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске...» С этим обещанием он и исчез из Донской столицы.

Вынырнул Голубов 22 января под станцией Глубокой. На него и его обещанный отряд, похоже, возлагались определенные надежды – Чернецов даже получил указания «связаться с Голубовым», но то ли не смог этого сделать, то ли не захотел (тоже был ревнив), и несколько блестящих боев в направлении на Лихую – Каменскую – Глубокую разыграл в одиночку. «Он вел свою молодежь прямо в поездах, высаживаясь чуть ли не в момент атаки, и сразу же бил по всему, что встречалось на его пути, – восторженно рассказывал об этой партизанской тактике штабной офицер. – ...Никто и нигде не мог выдержать



этого бурного натиска людей, уверовавших в то, что противостоять им нельзя». И недаром по представлению Войскового Правительства генерал Каледин произвел есаула Чернецова за бое-

вые подвиги сразу в полковники, минуя чин войскового старшины.

Конец легендарного рейда наступил под Глубокой, где Чернецов, опрометчиво выдвинувшись вперед с частью своего отряда, неожиданно увидел обходящих его казаков. Не желая проливать кровь «своих», он послал парламентариев передать это, но в ответ в партизанские цепи ударила шрапнель... Гвардейская 6-я Донская батарея в упор расстреливала последнюю надежду Дона.

Дело было не только в неравенстве сил: в схватке с красногвардейцами прославленный партизан, наверное, не поколебался бы погибнуть вместе со всеми своими бойцами, – но сейчас перед ним продолжала брезжить смутная надежда спасти доверившихся ему мальчишек, и Чернецов, легендарный бесстрашный Чернецов, приказал положить оружие. Тут-то он и узнал, что в плен его взял войсковой старшина Голубов.

Неизвестно, каким ветром 16 января «ватажника» занесло в Каменскую, где он практически сразу же был избран казаками, знавшими его по Великой войне, командиром 27-го Донского полка. Происходившее кружило ему голову, вновь возрождались мечты об атаманстве, и Голубов охотно стал во главе самых боеспособных частей Донревкома, поведя их в бой решительно и целеустремленно – это был не Подтелков...

«Не Подтелков» он был и еще в одном отношении. Войсковой старшина не питал неприязни к сдавшимся. Раненому в ногу Чернецову дали лошадь, они ехали рядом и, должно быть, о чем-то договаривались, потому что пленник по просьбе Голубова пишет командиру этим участком фронта генералу Усачеву записку с просьбой остановить наступление, о себе и своих партизанах сообщая: «От самосуда мы гарантированы словом всего отряда (красного. – А. К.) и войскового старшины Голубова». Расписался на этом же листке бумаги и Голубов, подтверждая вышесказанное и, наверное, в самом деле веря в силу своего слова.

Генерал Усачев тоже был казаком, и в ответ на послание Чернецова он пишет казакам-голубовцам письмо, проникнутое надеждой на достижение договоренности:

«Прошу вас, как казаков, приложить все усилия озаботиться о казаке полковнике Чернецове и его людях, предоставив им медицинскую помощь, продовольствие, покой... Прошу сообщить казакам, что против казаков никто и не помышляет вести войну. Правительство просит казаков отрешиться от наветов большевиков и защитить Дон, который сам хочет устраивать свою жизнь, без помощи посторонних красногвардейцев. Ввиду появления каза-

ков на станции Глубокой я прекращаю действия, но прошу казаков занять Глубокую и обеспечить ее от захвата красногвардейцами...»

Но письмо опоздало. Голубов рвался вперед, его манил близкий Новочеркасск, – и Чернецов с тридцатью попавшими вместе с ним в плен партизанами был передан Подтелкову, для которого ни слово Голубова, ни гарантии, данные его казаками, ничего не значили: бывший подхорунжий оказался способным учеником своих новых начальников...

Подтелков хватался за пашку, угрожал, глумился, поливал партизан грязной руганью. Его подручные гнали раздетых до белья, босых мальчишек по январской степи. Такое отношение донских казаков к своей же донской молодежи объяснялось просто: Чернецов и чернецовцы воспринимались как... провокаторы, своими активными действиями развязывавшие гражданскую войну; не будь их, рассуждали станичники, большевики и не пошли бы на Дон. Того, что на самом деле было уготовано Дону и всей России, никто еще и не мог себе представить, а потому можно было куражиться над юными добровольцами, упиваясь своей призрачной силой и думая таким образом приблизить заветное всеобщее «замирение».

Впереди в сумерках замаячили конные фигуры. Потом оказалось, что это возвращалась красная разведка, но в первый момент вздрагивавший от каждого шороха Подтелков заволновался, и Чернецов, используя это минутное замешательство, сделал последнюю попытку выручить своих партизан. С криком «Наши идут, ура!» – он ударом кулака выбил ехавшего рядом Подтелкова из седла. Пленные бросились врассыпную. Вслед им затрещали выстрелы...

Жертва полковника Чернецова не была напрасной: части партизан удалось спастись (красные не решились далеко преследовать их в темноте), и они принесли в Донскую столицу самые противоречивые сведения о своем командире. «В Новочеркасске же долго не хотели поверить в смерть партизана, – вспоминал современник, – и только повторные рассказы тех, кто бежал из плена, заставили уверовать». Калединский Дон лишился своего лучшего и, быть может, последнего защитника...

Позднее рассказывали, что гибель полковника Чернецова и измена войскового старшины Голубова буквально подкосили Атамана. Наверное, это и в самом деле было для него тяжелейшим ударом, но не последним и даже не самым сильным. Новый удар, фактически поставивший крест на борьбе генерала Каледина, последовал... со стороны командования Добровольческой Армии.

Нельзя сказать, чтобы Каледин не отдавал себе отчета в том, что Добровольцы не связывали себя с Доном намертво: перед ними лежала вся страна, – по словам генерала Деникина, Алексеев и Корнилов «могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь, – всюду, где можно было найти отклик на их призыв». Возникли и разногласия по вопросу о стратегии борьбы. Добровольческое командование стягивало все силы к Ростову и уже готовило поезда для переброски войск на Тихорецкую и далее – на Кубань; Каледин, напротив, после провала планов наступления на Царицын полагал, что все войска, включая и подчиненные Корнилову, следовало собрать в Новочеркасске. 26 января он попытался еще раз убедить в этом начальника Штаба Добровольческой Армии, генерала А. С. Лукомского, но тот уклонился от каких-либо конкретных заявлений.

«Обращаясь к Лукомскому, – рассказывает о Каледине свидетель переговоров, – он предостерегал Добровольческую Армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась... Добровольческая Армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть,

не нашла бы нигде пристанища. Что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска». Последний проект вызывал у Добровольцев резкое неприятие: действительно, он грозил потерей оголяемого Ростова и тем, «что Добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку; что этим мы не поможем Дону, а начатое дело погибнет».

С военной точки зрения замысел Атамана в самом деле был весьма уязвимым – неизбежное в этом случае концентрическое наступление колонн Сиверса, Саблина, а может быть, и Автономова, ставило на карту буквально все. С другой стороны, рыхлым большевицким массам противостояли бы не разбросанные по многочисленным и почти изолированным друг от друга направлениям добровольческие и партизанские отряды, а собранный вместе, сокративший фронт, лишенный пути отступления и обреченный драться насмерть железный кулак всего боееспособного, что могли дать в тот момент Дон и Россия. Кроме того, в непосредственном тылу наступающих оказывались бы казачьи станицы, на пробуждение которых после более близкого знакомства с большевиками Атаман не переставал надеяться. В этом он ошибался, но в сущности на таких же ошибках были основаны и идея Корнилова отступить в Задонье (впоследствии отвергнутая), и замысел Алексеева поднимать Кубанское казачество, раз уж этого не получилось с Донским. Ошибались все, но Каледин, в своем заблуждении не желавший отрываться от еще не разоруженных казачьих районов, имел в этой рискованной игре свои резоны. Более того, обороняя Новочеркасск, белые били бы непосредственно по живой силе противника, как мы знаем, слабо организованной и подверженной деморализации. Победить в таких условиях было, конечно, немыслимо трудно, если не невозможно, но выстоять – можно было попытаться. И 28 января 1918 года Войсковой Атаман генерал Каледин обратился с последним воззванием к предающим его казакам:

«Граждане-казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, быть может, последним.»

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противников³¹ угрожают станице Каменской и ст. ст. “Звереве” и “Лихая”. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полк[овника] Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество...

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

...Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложения других частей

населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов...

Ростов прикрывается частями особой добровольческой организации. Поставленная себе войсковым правительством задача – довести управление областью до созыва и работы 4-го февраля войскового круга и съезда неказачьего населения, – выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка! И если вам, казакам, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу пред Доном, то спешите на поддержку войсковому правительству.

Посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению [в] необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только пред кругом».

В этом воззвании все: и тяжелое положение, в котором оказался Дон по вине своих сыновей, и еще раз терпеливо повторенные объяснения, почему под Ростовом бьются «чужие» добровольцы и почему берутся за оружие мальчишки, и... отнюдь не утраченное желание и готовность к продолжению борьбы даже в этих трудных условиях.

В самом деле, и позиция, занятая Калединым на вечернем заседании 26 января, и его последний призыв к Донцам 28-го, хотя и были окрашены горечью, однако содержали и уверенность в том, что сопротивление захватчикам возможно и необходимо. Нет иллюзий, но нет и капитулянтства. Есть сознание опасности во всей ее полноте, но есть и стремление противостоять ей. И есть непоколебимая уверенность, что на атаманском посту нужно оставаться до конца.

Однако развязка наступит гораздо быстрее, чем об этом можно догадываться даже из последнего воззвания Атамана Каледина. Уже на следующий день позиция генерала изменится решительно и окончательно: он узнает, что не сказавший на совещании ни «да», ни «нет» генерал Лукомский, вернувшись в Ростов, 27 января, по собственному его признанию, «доложил генералу Корнилову, что, по моему впечатлению, генерал Каледин потерял веру в возможность что-либо сделать для спасения положения»...

И на основании этого Корнилов, очевидно поколебавшись еще около суток, пишет телеграмму Атаману, запомнившуюся М. П. Богаевскому так: «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска поведет к ее гибели. А я согласиться на это не могу». В Штабе Корнилова уже было решено двигаться на Кубань: Армия отходила на следующую линию обороны, и положение Каледина, никуда уходить не собиравшегося, становилось безвыходным.

Казаки не поднимаются, «формирования дружин идут очень вяло», поступают панические сообщения, «что последние казачьи части, защищающие Новочеркасск с востока, ушли с фронта и что через часа два или три войдут большевики», – и, по воспоминаниям одного из офицеров Штаба Походного



А.И. Деникин, 1919 год

Атамана, после приказа Корнилова находившемуся под Новочеркасском офицерскому батальону «уходить и присоединиться к армии» — «на “северном фронте” оставалось бойцов ровно столько, сколько карт в колоде — 52 человека.

Проигранная игра; а ставкой в ней был Дон».

И перед старым генералом, в эти последние недели уже обронившим: «Круга мы не дождемся, надо кончать дело», необходимость эта — «кончать дело», — встала неотвратимо и насущно.

* * *

Телеграмма Корнилова, по свидетельству Деникина, составленная 28 января, должна была придти в Новочеркасск ночью или рано утром 29-го, и Каледин немедленно собирает срочное заседание Правительства, а явившийся незадолго до этого с обычным докладом или вызванный специально начальник Штаба Походного Атамана выслушивает последние оперативные распоряжения, весьма неожиданные в устах героя Луцка и Ростова:

«Части добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова; перед донскими партизанами, на Сулинском фронте, встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков. Это недопустимо ни при каких условиях («Прикажите партизанам не стрелять. Больше ни одного выстрела», — передает тот же приказ другой автор. — А. К.). Объявите мое приказание, что каждый партизан, всякий отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто из

них хочет, может присоединиться к добровольческой армии; кто хочет – может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергнуть город всем ужасам гражданской войны».

Сдержанный и хладнокровный даже в этих условиях Сидорин отбывает в Штаб Походного Атамана, Каледин же приглашает к себе М. П. Богаевского и излагает своему ближайшему сотруднику схему дальнейших действий, предполагающую, во избежание или, по крайней мере, уменьшение кровопролития при неизбежном теперь захвате Новочеркаска большевиками или войсками казачьего Ревкома, сдачу власти каким-либо общественным организациям, которые могли бы, не будучи столь одиозными в глазах наступающих, ходатайствовать перед ними за население города.

Сделав затем собравшимся членам Правительства «спокойный и беспристрастный» доклад об окончательно разразившейся катастрофе, Алексей Максимович произнес ключевые слова, свою запись которых М. П. Богаевский назвал «почти буквальной»: «Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю», – а дальнейшие прения, разгоревшиеся было среди пораженных членов Правительства, оборвал страшной фразой: «Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла». Все остальное уже не затрагивало генерала глубоко. Как будто куда-то спеша, он «открывал ящик за ящиком своего стола и нервно рвал записки, чеки и другие бумаги». Распустив Правительство и уничтожив последние предназначенные к тому документы, генерал Каледин выстрелом из пистолета покончил с собой.

В исторической литературе существует много объяснений и интерпретаций последнего поступка Каледина: от проявления слабости, малодушия, отчаяния – до трезвого, хотя и страшного в выборе средства, расчета. Слишком велик был соблазн превратить «калединский выстрел» в «калединский сполох» – сигнал тревоги, гневный и горький упрек казачеству, после которого якобы началось отрезвление и возвращение Дона на путь борьбы с большевизмом. Следует, однако, сказать, что последнее вовсе не соответствует истине – вступивший в исполнение обязанностей Войскового Атамана генерал Назаров за две недели своего атаманства испил ту же горькую чашу, что и его предшественник, был брошен отказавшимися от борьбы казаками на произвол судьбы, мужественно дождался прихода в Новочеркасск предводимых Голубовым войск Донского Ревкома и был убит по приказанию Подтелкова³². Тем не менее какой-то глубинный смысл в самоубийстве Алексея Максимовича, очевидно, все-таки был, раз советские «историки» вскоре пошли на беспрецедентный даже для них шаг, опубликовав фальшивое «предсмертное письмо Каледина».

Фальшивка, впрочем, вышла неудачной. Ее авторам не удалось ни придумать правдоподобных обстоятельств «находки» – «письмо» не могло пролежать «в кабинете Каледина», как они утверждали, две недели, оставшись неизвестным сотрудникам покойного Атамана (если Богаевский подобрал как реликвию даже пулю, пробившую сердце Алексея Максимовича), – ни имитировать стиль (начиная с совершенно невозможного обращения «многоуважаемый генерал Алексеев»³³), ни хотя бы сделать содержание сколько-нибудь осмысленным. Неизвестный фальсификатор вообще сначала явно «писал» не

Алексееву, а Корнилову («вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело...», «вы отчаянно и мужественно сражались...», намек на казачье происхождение «адресата»), и лишь по окончании работы «адресат» почему-то был заменен. Фальшиво звучит и «просьба» – «отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей (?! – А. К.), но дальше не ведите на бойню моих милых казаков», – тем более, что на самом деле Каледин, как мы видели, был как раз сторонником координации действий и широкого фронта борьбы с большевизмом. Автор подделки, приписывая генералу моральную капитуляцию, вольно или невольно стремился прежде всего унижить своего мертвого врага, подменяя его величественный образ – жалкой плаксивой фигуркой. И доказательством того, что подлинное значение личности Каледина и глубина его трагедии остаются до сих пор непонятыми, служит «использование» современными авторами этой фальшивки, кочующей из публикации в публикацию, несмотря на многочисленные и очевидные несообразности.

Но вернемся в день 29 января 1918 года, чтобы вновь обратиться к трагедии «калединского выстрела». Как представляется, Алексей Максимович не мог не сложить с себя атаманства, коль скоро весь Дон отказывался сражаться за свою свободу. В то же время формальная отставка ничего не значила для наступающего врага, в чьих глазах генерал Каледин при любых условиях оставался Атаманом, – и уйти в степи с Добровольческой Армией или донскими партизанами ему тоже было нельзя. Но понимали это немногие – сам Каледин, генерал Назаров, полковник Сидорин, – большинство же тех, кто еще оставался верен идее борьбы, склонялось к мысли об аресте и насильственном увозе генерала; разумеется, всеми силами души сочувствовала этому и М. П. Каледина, последние месяцы жившая в страшном внутреннем напряжении и тревоге за судьбу мужа (она пережила его не более чем на полтора года). И Алексей Максимович не нашел другого выхода, чем выстрел в свое измученное сердце.

Казачество опомнится весной, в ходе «Обще-Донского восстания» изгнав с территории Войска большевиков; тогда же был схвачен и вместе со своими ближайшими сотрудниками казнен «Председатель Донского Совнаркома» Подтелков. И в условиях подъема Белого движения на Дону имя светлого Атамана становится одним из самых почетных. По нему служат торжественные панихиды, ему предполагается поставить памятник на Соборной площади Новочеркасска... И хотя последний проект не был реализован, – увековечением имени Алексея Максимовича, бывшего не только государственным деятелем, но и выдающимся кавалерийским начальником, стало формирование в марте 1918 года в 1-м Донском округе «Партизанского отряда имени Атамана Каледина», преобразованного впоследствии в конный полк, которому было присвоено вечное шефство Каледина. «Калединцы» с честью пронесли в многочисленных боях свое черное знамя с мертвой головой – Христианским символом смерти и Воскресения, и современник с полным правом напишет о них: «Каледин умер, но дух его жив и особенно ярко виден он в Калединовском полку». Старые сослуживцы генерала по 12-й кавалерийской дивизии, собравшиеся на Дону и в начале 1919 года сформировавшие Сводный кавалерийский полк, также назвали его именем своего любимого начальника, а на острие наступления Донской Армии сражался легкий бронепоезд «Атаман Каледин»...

И тогда, и впоследствии, уже в эмиграции, о Каледине было написано немало. Однако, обращаясь к существующей литературе, останавливаешься на том, что в ней сложился облик человека высоких нравственных качеств, страдающего при виде трагедии Отечества, но... помимо воли авторов представляющего пассивным, бездейственным, скорее символом, чем участником борьбы. И, не подвергая сомнению моральных оценок личности Атамана, как мы уже видели, действительно отличавшегося редкой чистотой и благородством и, быть может, именно поэтому пришедшего в конце жизни к такой страшной развязке, — нельзя не отметить, что при внимательном чтении из мемуаров и документов перед нами встает и волевой, твердо идущий к цели, вникающий в мельчайшие детали военных действий боевой генерал, чьи черты органично дополняют уже известное нам и лучшим памятником которому действительно стали не камень или бронза, а лихие рейды конных полков, носивших его славное имя. А одной из лучших эпитафий ему стали слова Протопресвитера Добровольческой Армии отца Георгия Шавельского, сказавшего в годовщину «калединского выстрела», когда еще жива была надежда на спасение России:

«Верится, что трагическая смерть Алексея Максимовича, после его великолепной, полной благородного труда, высоких порывов и святого подвига жизни заставила очнуться многие обезумевшие казачьи умы, понять глубину народного падения и горя и загореться от огня той любви к Родине, которую жил и дышал почивший Алексей Максимович.

И тогда принесенная Алексеем Максимовичем жертва собственной жизнью, несомненно, послужила одним из камней, на которых начала воссозидаться развалившаяся русская государственная жизнь.

Наш долг — вечно носить в душе образ этого русского героя-мученика, после сверхчеловеческих страданий за Родину пришедшего к роковому концу, и молиться Господу, да спасет и помилует Он его в вечном Царствии Своем».